

АРТУР ГЕНРИ

НЕПИСАННЫЙ
ЗАКОН

Артур Генри
Неписанный закон

«Public Domain»

1905

Генри А.

Неписанный закон / А. Генри — «Public Domain», 1905

«Много лет тому назад в Нью-Йорке в одном из домов, расположенных на улице Ван Бюрен в районе между Томкинс авеню и Трууп авеню, проживал человек с прекрасной, нежной душой. Его уже нет здесь теперь. Воспоминание о нем неразрывно связано с одной трагедией и с бесчестием...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	7
Глава III	10
Глава IV	17
Глава V	24
Глава VI	29
Глава XII	35
Глава VIII	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Артур Генри

Неписанный закон

Глава I

Много лет тому назад в Нью-Йорке в одном из домов, расположенных на улице Ван Бюрен в районе между Томккинс авеню и Трууп авеню, проживал человек с прекрасной, нежной душой. Его уже нет здесь теперь. Воспоминание о нем неразрывно связано с одной трагедией и с бесчестием.

Дом, в котором жил Карл Фишер и его жена, был самый старый во всем квартале, и первый поселившийся в нем был никто иной, как сам Карл Фишер. Он был тогда еще совсем молодым человеком, только что приехавшим в Америку со своей женой, румяной, голубоглазой и маленькой балериной. По профессии он был гравер. Люди они были простые, безыскусственные. Они дожили до пятидесяти лет и все-таки еле говорили по-английски, да и вообще не отличались разговорчивостью. Их запас немецких слов был очень невелик и ограничивался лишь самыми необходимыми и общеупотребительными в их несложном обиходе.

Карл Фишер и Катрина целых тридцать лет прожили в маленьком четырехугольном домике на улице Ван Бюрен, прилежно и охотно работая и откладывая деньги про черный день. Детей у них сперва не было и хотя это их и огорчало в глубине души, но с другой стороны никто не мешал им усиленно работать и делать значительные сбережения. Катрина стирала и стряпала на соседей, чистила и мыла полы новым жильцам.

Четырнадцать лет проработали они, сколачивая деньги для детей, которых у них все еще не было. Наконец, у них родилась дочь Эвелина. Ребенок редко плакал и никогда не смеялся. Девочка относилась чрезвычайно серьезно ко всему. Она никогда не начинала играть, не осмотрев предварительно самым тщательным образом своих игрушек. Ребенок она была необыкновенно спокойный и сдержанный и ровно ничем не нарушала покоя того дома, в котором она родилась. У Карла сжималось сердце, когда он смотрел в темные глаза своей дочки. Четыре года спустя после рождения Эвелины у Фишеров родилась вторая дочь, Текла.

Благодаря усиленной работе и постепенному откладыванию денег, Карл и Катрина успели скопить за эти двадцать пять лет десять тысяч долларов. По мере того, как они накопляли деньги, они вносили их в Народный сберегательный банк.

К тому времени, когда у Фишеров уже лежал в банке небольшой капитал, Эвелине минуло тринадцать, а Текле девять лет. Эвелина была довольно высокая для своих лет, угловатая и неуклюжая девочка. Соседские дети прозвали ее «драной кошкой». У неё были густые, черные волосы и большие, темные, мрачные глаза, совершенно матовые и маловыразительные. Но иногда, когда мальчики особенно сердили ее своими приставаниями по дороге в школу или вечером в парке, в них вдруг с неожиданной силой вспыхивал зловещий огонек. У неё был прямой, тонкий нос, ровные, пухлые губы, овальное смуглое лицо с спокойным и серьезным выражением. Она была лучшей ученицей в классе, но самой непопулярной девочкой в школе. Собственно говоря, она тут была не при чем. Она редко кого удостаивала разговором, никогда ничего ни у кого не брала и не нарушала школьных правил. Девочки ее ненавидели, сами хорошенько не зная за что, мальчики же ее терпеть не могли за то, что она по их мнению была какой-то недотрогой. Она и не думала дружить с ними и совершенно устранилась бы от всех, если бы этому не мешала её сестра Текла. Этот широкоплечий, стройный подросток привлекал к себе всех, как магнит ртуть. Стоило ей появиться где-нибудь, как тотчас ее окружали со всех сторон. Её желтые волосы всегда были спутаны и взлохмачены. Её живые, голубые глаза горели жаждой жизни. Полные щеки всегда горели, точно у неё был сильнейший жар. Широкий нос

и большой рот были почти безобразны по ферме, но вместе с тем как то невольно вызывали в других чувство нежности и живейшего расположения к их юной обладательнице. От неё так и веяло жизнью и веселостью. Выражение лица было одновременно и насмешливым и привлекательным, на нее нельзя было не обратить внимания, которое так и оставалось прикованным к ней. Все свободное время дети проводили в Томккнис-сквере, – парк занимал большой участок земли, обнесенный низенькой оградой...

Глава II

Дома на улице Лафанета, рядом с парком, казавшиеся Фишером роскошными дворцами, далеко не удовлетворяли требований их обитателей. Мистер и мистрисс Генри Сторрс считали занимаемый ими особняк лишь временным жилищем, переходвою ступенью к более роскошному помещению.

За последние дни мистером Сторрсом овладело беспокойное, тревожное настроение. На него и прежде находило иногда такое же состояние. Он возвращался домой позже обыкновенного, торопился с обедом и почти ничего не ел. В сорок пять лет его волосы заметно поредели и поседел. На лбу залегли глубокие складки, на которые нельзя было без боли смотреть. Его глаза все время бегали по сторонам, иногда в них загорался всепожирающий огонь, но чаще всего они были мрачны и тусклы. Он был страшно бледен. Отцовский большой нос и тонкие губы придавали всему его лицу отпечаток твердости и утонченности.

Мистер Сторрс состоял блюстителем одной большой воскресной школы, в которой деятельное участие принимала и его жена. Супруги обычным путем добились занимаемого ни теперь положения. Много лет тому назад м-сс Сторрс, авторитетно преподававшая теперь всем окружающим нравственные правила, диктующая всему приходу правила светского этикета, была всего лишь дочерью священника епископальной церкви в Нью Гавене. Звали ее Кларой. Она вышла замуж за Генри Сторрса, только что незадолго перед тем окончившего Яльский университет. Благодаря связям отца, мелкого банкира в одном из небольших городков графства Коннектикут, молодому человеку удалось тотчас же получить место помощника кассира в Бруклинском народном сберегательном банке. Клара уже несколько лет как играла довольно видную роль в лучшем светском и духовном обществе своего родного города. Она была красивая, деятельная и честолюбивая девушка. Условности и идеалы, господствовавшие в том обществе, в котором ей приходилось вращаться, как нельзя лучше соответствовали её личным наклонностям и она охотно, без всякой критики, восприняла их. Чего могла она желать большего, раз все общество находило её поведение примерным и восхваляло её честолюбие.

Накануне своей свадьбы, Кларе, под влиянием личного счастья и грез о заманчивом будущем, вдруг взгрустнулось при мысли о своей младшей сестре Сусанне и она самоотверженно пожелала ей скорее выйти замуж за вполне хорошего молодого человека. Она давала себе слово, что, как только Генри получит место председателя, она настоит на том, чтобы он назначил будущего мужа Сусанны кассиром.

Во время свадебного путешествия она получила известие о состоявшейся помолвке Сусанны с Вилльямом Вандемером. Вилльям был единственный сын одной из богатейших и стариннейших семей Нью-Йорка. Неожиданная новость совершенно ошеломила Клару. Она приписывала свою нервность охватившему её беспокойству за счастье Сусанны. А вдруг Вандемер окажется распутным человеком? Уже раньше до неё доходили слухи о его кутежах в колледже. Может быть, он дурной, злой человек и испортит всю жизнь маленькой Сусанны! Все эти думы и опасения в конец испортили для м-сс Сторрс медовый месяц и супруги поспешили вернуться домой на два месяца раньше, чем раньше предполагали.

Свадьба Сусанны наделала много шуму в Нью Гавене, и скромная маленькая невеста с честью выдержала испытание. Клара долго не могла придти в себя после свадьбы сестры и в течение целого года она то впадала в мрачное настроение, то принималась нервничать и капризничать.

Вилльям Вандемер с женой поселился в своем старинном особняке, окна которого выходили на парк Грамерси. Зловещие предчувствия Клары не оправдались. Молодая м-сс Вандемер превратилась в скромную, беспритязательную светскую женщину. Каждое воскресенье, если только погода была хорошая, она отправлялась пешком с мужем в епископальную цер-

ковь. Она лично вела все хозяйство. Каждый год она давала по несколько вечеров и бывала везде, где ей, по её положению в свете, надо было показаться. Ехала ли она в оперу или на вечер, она всюду выделялась своими драгоценностями и платьями. Благодаря её влиянию, значительная часть доходов её мужа стала уходит на дела благотворительности. Сама она жертвовала массу денег на больницы и приюты и вскоре была назначена попечительницей убежища для несчастных женщин и брошенных девушек. Она всегда появлялась здесь в скромных, но изящных платьях и неизменно привозила с собою массу цветов и полный кошелек денег. Она примкнула к тем кружкам великосветского общества, все интересы которых сосредоточиваются исключительно на религии и в которые так трудно попасть постороннему человеку. Успех дочери бедного священника в тех кружках был полный и за неё сразу признали то положение в свете, которое спокон века принадлежало женам Вандемеров.

Клара сдалась последняя, ей больно было призвать превосходство сестры. Со временем, однако, она настолько поборолась в себе чувство зависти к сестре, что откровенно признавалась себе в этом. Она всячески старалась доказать себе, что, как истая христианка, она прямо обязана примириться со своим положением, не роптать, а, напротив, стремиться улучшить его. Она звала, как безгранично её влияние на Генри и что, воздействуя на его честолюбие, она сможет добиться заветной своей цели. Она как-то умудрялась копил деньги и в то же время отлично одеваться. У неё была масса знакомых во всех концах Бруклина. Её званые вечера всегда очень удавались, недостаток средств с избытком искупался умом, тонким вкусом и оригинальностью хозяйки. По её настояниям Генри примкнул к Кристианской ассоциации молодых людей и сделался членом одного очень солидного клуба. Вскоре оба эти учреждения избрали его в свои директора. Через несколько лет во всем Бруклине не было человека, пользовавшегося большей популярностью, чем мистер Сторрс. Параллельно с успехом в обществе шло и его служебное повышение. Он своим именем привлекал банку сотни хороших клиентов и когда скрылся банковский кассир, мистера Сторрса тотчас же назначили на его место. Новое назначение было сопряжено для мистера Сторрса с увеличением получаемого жалованья и общественного престижа, теперь у него было на что спекулировать. С течением времени он сделался председателем банка, занимал дом на улице Лафайета, стоивший 25 тысяч долларов, состоял блюстителем воскресной школы на улице Марси, председателем нескольких коммерческих предприятий, доверенным нескольких очень замкнутых и разборчивых благотворительных обществ и, кроме того, вел дела многих крупных собственников.

М-сс Сторрс уже не искала больше другой, более комфортабельной квартиры в лучших частях Бруклина. Ей больше не хотелось переезжать до тех пор, пока они не смогут купить участка земли на Пятой улице. Она никогда не говорила об этом и не задумываясь отвергла бы такое обвинение. Выполнение этого последнего пункта вполне удовлетворило бы съедающее её честолюбие; муж её отлично понимал и напрягал все свои силы, чтобы осуществить её желание. Он очень много работал и всячески старался увеличить свои средства. Двадцать лет добросовестной работы и поддержки со стороны общества привели его к месту председателя банка. Жить ему оставалось уже немного и если он намеревался оставить семье миллионы, то нужно было обладать совсем иными качествами, чем проявленные им до сих пор честность, прилежание и бережливость. Желая скорее разбогатеть, он жадно пользовался всеми удобными случаями для игры на бирже, но счастье не всегда одинаково улыбалось ему. Игра вскоре сильно отразилась на его нервах и окончательно измотала его. У него не было достаточного хладнокровия для игры на бирже, которое так нужно профессиональному игроку.

М-сс Сторрс решительно ничего не подозревала. По мере того, как летело время, она стала все внимательнее присматриваться к мистеру Сторрсу, и ею овладело беспокойство. Её сердце ныло от тоски и предчувствия чего-то недоброго, когда он, бывало, возвращался домой с измученным, осунувшимся лицом. Она не понимала, что его беспокоит, но чувствовала, что дело касается и её лично.

У них было тоже, как у Фишеров, две девочки – Эми и Лу, из которых последняя особенно беспокоила м-сс Сторрс своим странным характером. Эми, та во всем добросовестно копировала свою презентабельную маму.

Глава III

Если бы год тому назад кто-нибудь рассказал мистеру Сторрсу подробности его банкротства, он несомненно с негодованием выслушал бы собеседника. Ему привелось на своем веку видеть немало число несостоятельных должников из среды бруклинских обывателей. Большинство из них было обязано занимаемыми постами тому доверию, которое они сумели внушить к себе в качестве набожных людей. Мистер Сторрс всячески искал их дружбы до тех пор, пока не разоблачались все их темные дела, а затем, когда с ними случалось несчастье, первый ополчался на вчерашних друзей.

Он не понимал, как могут люди стараться разобраться в причинах этих трагедий, всякие же попытки свалить часть ответственности за преступление на общество и его строй он считал прямо возмутительной, неслыханной дерзостью. Попытка умалит вину содеянного являлась в его глазах непростительным попустительством и потворством для других, Одним словом, он, как и многие другие, нуждался в авторитетных указаниях полиции для определения нравственности и безнравственности своих знакомых.

Высоконравственные качества мистера Сторрса не играли почти никакой роли при созидании его богатства, но, Боже мой, как он любил говорить на высокие темы. В погоне за богатством он все же никогда не переступал границ, дозволенных законом. Вся его деятельность была чиста и безупречна. Он, уже более года, всеми силами старался заполучить в свои цепкие руки всю нефтяную промышленность. Только занимаемое им место председателя сберегательного банка мешало ему открыто стать во главе нефтяного акционерного общества, деятельным членом которого он негласно состоял. Все это происходило лет двадцать тому назад, когда финансовые предприятия были у нас еще в зачаточном состоянии.

Мистеру Сторрсу не повезло. У общества было несколько сильных конкурентов, преследовавших ту же цель, и бороться с которыми было трудно. Было очевидно, что он сделал крупную ошибку, примкнув не туда, куда следовало. К концу года он вложил в дело все свои деньги до последнего доллара и сделал крупный заем, истощивший вполне его кредитоспособность. А нефтяные промыслы, несмотря на все усилия воспрепятствовать, продолжали расти, как грибы. В погоне за нефтью удалось напасть на новую громадную площадь нефтяных источников. То тут, то там начинали бить новые фонтаны, и акционерами овладел страх. Перед ними стоял грозный призрак разорения. Если дело пойдет также и дальше, то им придется ликвидировать дело и уступить поле сражения своим соперникам. Акционерному обществу грозила опасность самому попасть в ту ловушку, которую оно приготовило для своих противников. Кто были эти соперничающие с ним предприятия? Кто из капиталистов скрывался под их фирмой? Как велики их средства? Должен же, наконец, быть предел производительности земли, не бесконечно же число её нефтеносных участков? Если бы удалось во время достичь этого предела и если бы не щедрость природы в наделении людей своими благами, мистер Сторрс так бы и сошел в могилу с репутацией честного человека. Он вел бы идеально честно дела Народного сберегательного банка и свои собственные, управлял бы делами церкви на улице Марси, а также и воскресной школы, к вящему прославлению их членов и Бога, что по их мнению было одно и то же.

В тот момент, когда мистер Сторрс истощил все свои средства и перед ним стояла дилемма – или победить сейчас, или же стать нищим, в эту критическую минуту он случайно заметил, что банковский кассир, Гарри Кинг, сделал растрату в две тысячи долларов. Он был убежден, что в счета вкралась ошибка и все скоро выяснится к общему удовольствию. Просматривая, несколько позднее, состояние счетов, он заметил еще большую убыль денег из кассы. Он ничего не сказал, но твердо решил, что завтра же кассир будет арестован. Приехав на следующий день в банк, он застал там мистера Саундерса, председателя нефтяного общества, кото-

рый ожидал его. Они заперлись в кабинете и проговорили наедине более двух часов. По окончании беседы, мистер Сторрс не велел никого принимать и долго просидел у себя в кабинете, запершись на ключ.

Нефтяному обществу нужны тотчас же двести тысяч долларов, самый последний срок завтра. Из этого затруднительного положения было только три возможных выхода для восьми акционеров: во-первых, каждый из них вносит по двадцати пяти тысяч из своих последних ресурсов; во-вторых, можно выпустить новую серию акций и продать их Народному сберегательному Банку, который, конечно, охотно согласится на такую комбинацию, и в-третьих, у мистера Саундерса имеется на руках несколько векселей, получить уплату по которым нет надежды, их можно будет продать банку и все вырученные деньги вложить в нефтяное предприятие. Мистеру Сторрсу надо было серьезно обсудить все три проекта. Ему не откуда раздобыть нужные двадцати пяти тысяч долларов, остается одно: воспользоваться для этого облигациями банка. Он не решался, скупить векселя на счет банка, боясь что если предприятие лопнет, его мошенничество раскроется тотчас. Если же банк скупит эти ничего не стоящие векселя через посредство третьего лица, он всегда может сослаться на свое яко бы полное неведение их реальной стоимости, и хотя его и будут обвинять в недостаточной осмотрительности, но за то его честь ничем не будет запятнана. Можно, конечно, взять несколько штук облигаций из числа тех, которые хранятся целыми связками в банковском подвале и заменить их простыми бланками. Облигации надо будет продать и таким образом удастся внести свою часть в погибающее предприятие. Но с другой стороны его неизбежно привлекут к ответственности, если раскроют мошенничество раньше, нежели он успеет вновь водворить на прежнее место взятые им облигации. По правилам он один имеет к ним доступ. Но разве это мыслимо будет доказать! Ведь облигации часто бывали в руках у кассира, хотя он и не имел собственно права их трогать.

Вдруг его озарила мысль. Его руки сильно затряслись и он принужден был крепко ухватиться за ручки кресла, чтобы не упасть.

Он сказал сегодня мистеру Саундерсу, что завтра же все его векселя будут куплены. С этой минуты у мистера Сторрса как-то совершенно вылетело из головы одно весьма важное обстоятельство: странный недочет в денежных отчетах кассира. Он стал еще добрее к Гарри, свалил на него большую часть своей работы и предоставил ему полную свободу действий.

– Надо подождать, – думал он, – и постараться воздействовать на него путем доверия и любви. Если только он раскается, я спасу его непременно. Со временем он вернет банку все, что растратил.

И мистер Сторрс несомненно так бы и поступил, если бы не банкротство его акционерного общества.

Через две недели потребовался новый взнос. В воспаленном воображении этих борющихся людей все еще была надежда на успех. Походило на то, что соперник сражен. Многие мелкие фирмы были объявлены несостоятельными должниками. Еще немного денег, ну хоть по двадцати тысяч с человека, и победа будет окончательно за ними. Получив новое требование денег, мистер Сторрс не стал более колебаться. Он уже заранее решил, что делать. Необходимо раздобыть, во что бы то ни стало, еще двадцать тысяч или потерять все до последнего доллара, сделаться виновником банковского краха, так как сумма, уплаченная им за векселя мистера Саундерса, во много раз превышала наличность денежных средств банка. Он вынул в подвале облигации из различных пачек, заменив их простою бумагой. Он старался уверить себя, что берет облигации всего на несколько недель. Он беззастенчиво старался убедить себя в этом, совершенно забывая, как он презирал прежде других за такой сознательный самообман. Можно ли ожидать чего-нибудь хорошего от человека, который понимает, что он совершает беззаконие, пользуясь, для своих личных целей, банковскими облигациями, и который надеется получить барыши, не стесняясь разорением других?

Но иногда мистера Сторрса начинала мучить совесть, или вернее он так думал. В действительности, им овладевал простой страх. Если он обанкротится, имя его будет покрыто несмысленным позором. Все остальное ничего не значило рядом с этим. Его неожиданное и полное банкротство, переход от богатства к нищете, вызовет только удивление в том свете, который он сам поставил судьбу над собой. Он мог даже рассчитывать на некоторую долю сочувствия с его стороны. Никто не может, ведь, доказать, что он знал, что купленные на банковский счет векселя ничего не стоят. Но если бланки, которыми он заменил облигации, попадут в руки правосудия, тогда его виновность станет очевидна для всех. Пока никто ничего не подозревал и не знал о хищении облигаций, он находил еще себе оправдание. Но иногда, сквозь самообман, начинало проскальзывать раскаяние и ему мерещилось, что правосудие высоко держит в воздухе, на виду у всех, эти ужасные и беспощадные улики его преступления. В такие минуты он вспоминал кассира и эта мысль придавала ему мужество.

В среду, после полудня, на другой день после чтения Евангелия от Матфея, к мистру Сторрсу зашел мистер Саундерс с просьбой дать ему еще денег.

– Сторрс, – сказал он, как только они остались вдвоем в комнате, – дело дрянь. Если мы не раздобудем еще сто тысяч, то можем хот сегодня же закрыть свою лавочку.

Странно, но это сообщение менее встревожило мистера Сторрса, нежели прежние красноречивые уверения в полном успехе, которыми мистер Саундерс неизменно до сих пор сопровождал каждую просьбу о деньгах. Он спокойно посмотрел на своего посетителя, улыбнулся даже и спросил:

– А если удастся раздобыть эту сумму, дальше что?

– Я отказываюсь вести это дело, – ответил тот мрачно. – Вряд ли нам удастся что-нибудь сделать. Крупные промышленники производят теперь разведки в двух новых графствах. Один фонтан уже бьет у них и дает до пяти тысяч ведер в сутки. Чтобы его черт побрал! Туда понаехало масса народу и все торопятся заарендовать землю. У них, вероятно, громадные средства. Хотел бы я знать, кто им дает деньги.

Улыбка исчезла с лица мистера Сторрса. Он смотрел на Саундерса, но, казалось, не видел его и еле слышал то, что тот ему говорит. Ему казалось, что он давно знает все это, чуть ли не наизусть. Итак, настал конец. Он понял теперь, что давно уже ждет его, может быть, несколько месяцев. Он сам поражен теми безумными надеждами, которыми он позволял убаюкивать себя. Он был бы еще более поражен, если бы эти надежды сбылись в действительности.

– Что же получит каждый из нас, если прекратить теперь дело? – резко спросил он, направляясь к своей конторке.

– Что мы получим? – воскликнул Саундерс: – да мы все полетим к черту! Мы потеряем почти все наши фонтаны, мы не в состоянии использовать их и согласно условию они должны быть отобраны от нас. Нефтяные промысла – слишком дорогая роскошь, по нынешним временам. Их оценят как раз в половину наших долговых обязательств. Мы можем продержаться еще день, другой, в надежде, что наши конкуренты купят наше дело.

– Отчего бы вам не предложить им такую сделку?

– Рискованно и предлагать то, – ответил тот. – Они, конечно, сперва посмеются над нашим предложением, затем сбавят цену, и мы принуждены будем согласиться на все их условия.

– Итак, мы ничего не получим?

– Я же вам только что сказал это.

– Если вы ничего более не имеете сообщить мне, мистер Саундерс, то попрошу извинить меня, я очень занят. Мне надо серьезно заняться приведением в порядок моих личных дел.

– Итак, все кончено, – с горечью произнес Саундерс. – Но, поймите же, ради Бога, Сторрс, ведь я совсем разорен!

– Будьте так любезны уйти и оставить меня одного, мистер Саундерс Вы, кажется, забыли, что жалуетесь на свою судьбу человеку, который доверил вам все, что он имел и который, благодаря вам, все потерял. Прощайте.

Оставшись один, мистер Сторрс выдвинул верхний ящик своей конторки, вынул из него револьвер, который всегда лежал там, на всякий случай, и отложил его в сторону. Затем он вынул из ящика все письма и документы, быстро перелистал их, сжигая те, которые он не хотел сделать достоянием гласности. Все остальные он положил обратно в ящик и взял в руки револьвер, намереваясь водворить его на прежнее место. Блеск никеля обратил на себя его внимание, и он, задумавшись, смотрел несколько минут на револьвер. Затем он выронил его из рук, револьвер упал на бумаги и он медленно задвинул ящик. Он стоял перед конторкой, засунув руки в карманы, ни на что не глядя. Губы его двигались еле заметно, тихо произнося одно лишь слово: «разорен». Секретарь принес ему бумаги для подписи. Он машинально взял их, прочел, не вникая с смысл, и стоя подписал. – Я нищий, – твердил он про себя, почти вслух. Он испуганно оглянулся, боясь, что действительно говорит вслух и что кто-нибудь мог его подслушать. Мысли его прояснились, он впервые отдал себе отчет в положении вещей, понял, что он ответственен перед другими. Он знал, что банк должен лопнуть. Если ему дадут немного времени, он вернет все взятые им облигации. – Не взяты, а украдены, – поправил его внутренний голос. – Я ничего не крал, – резко ответил он, поворачивая голову и свирепо глядя на своего мнимого обвинителя. – Нет, ты украл, – настаивал на своем голос. – Все будет улажено, если только я успею вернуть их на прежнее место. – А как же быт с векселями Саундерса?

Глаза его стали непроницаемы. Он крепко сжал губы. Он не хотел выдавать себя.

– Они ничего не стоят, – сказал голос. – Саундерс говорил, что они стоят кое-что. – Ты отлично знал, что нет. – Почему ты знаешь? Никто этого достоверно не знает. Этого нельзя никак доказать. – Но они ничего не стоят.

На него вдруг напал страх. Банк, несомненно, должен погибнуть, это только вопрос времени. Если в течение года все будет идти гладко, хорошо, он как-нибудь умудрится вернуть взятые им облигации. Только бы это удалось, тогда и личный риск значительно уменьшится. Один год страха и борьбы спасет его от исправительной тюрьмы. Но к чему ему это? Он потерял все свои деньги, да, решительно все, до последнего цента. Его долг равняется ста тысячам. Зачем ему продолжать бороться и беспокоиться? Он судорожным движением выдвинул ящик и схватил револьвер. Он держал его дрожащей рукой, глаза расширились от ужаса.

– Я лучше выну патроны.

Он вынул патроны, открыл окно и выбросил заряды на улицу. Затем опустил револьвер в карман, предполагая, что он может ему пригодиться. Завтра весь свет узнает о крахе Кинстонского нефтяного общества и если еще распространится известие об его близком отношении в лопнувшему предприятию, то несомненно можно ожидать усиленных требований со стороны публики о выдаче вкладов. Тогда, и банк, и он погибнут. Он стоял и размышлял, вполне понимая, что это так и будет в действительности. Через двадцать четыре часа, все будут уже знать правду или подозревать в чем дело. Зачем он стоит здесь все еще? Ему лучше уйти отсюда. Он надел шляпу, вышел из своего кабинета, помещавшегося в задней части здания, и направился через все помещение банка к входным дверям. Вокруг него все как-то изменилось. Все казалось меньших размеров и потрепанным. Всего несколько дней тому назад, эти самые конторки казались такими внушительными и красивыми, а на аукционе за них дадут, вероятно, гроши. Служащие, сидевшие нагнувшись над книгами, походили на автоматов, у которых завод не весь еще вышел. Боже, какая здесь завтра будет паника, а через несколько дней комната и совсем опустеет. Ему стало скверно от собственных мыслей. Зачем он остается и ничего не предпринимает, зная, что его ожидает завтра? Ведь, удавалось же бегство другим. Проходя мимо кассира, он невольно ускорил шаг и опять подумал:

– Они и его заподозрят. Они уличат его в растрате и припишут ему исчезновение облигаций.

Он вышел из банка, завернул за угол, перешел на бульвар и, убедившись, что его никто не видит, поднял три патрона и вновь зарядил револьвер. Затем он позвал извозчика и поехал домой.

Мистрисс Сторрс, только что вернулась домой, когда у подъезда остановился извозчик.

Она выглянула в окно и очень удивилась, увидев мистера Сторрса, сходящего с извозчика. Она пошла ему на встречу.

– Ты не дождался лошадей? – спросила она.

– Нет, мне, может быть, придется уехать с первым вечерним поездом. Мне необходимо переговорить с тобой. Пойдем.

Он провел ее в свою комнату и запер за собою дверь на ключ. Увидя эти приготовления, мистрисс Сторрс заговорила:

– В чем дело, Генри? что случилось?

Мистер Сторрс прислонился к двери и посмотрел на нее, но не был в состоянии произнести ни одного слова.

– Ради Бога, скажи мне, – продолжала она. Она нетерпеливо подошла к нему и взяла его за руку. – Отойди от двери и выпусти меня отсюда. Садись же. Я пошлю сейчас за доктором. Что случилось?

Его мертвенно-бледное лицо, вся его понурая, искривленная фигура не на шутку испугали ее.

– Клара, – сказал он хриплым голосом, – я все потерял. У меня нет больше ничего, ни одного доллара.

Мистрисс Сторрс выпустила его руку и отошла от него, брови её нахмурились, она удивленно взглянула на него.

– Какие ты глупости говоришь, – сказала она резко.

– Я сказал тебе правду, Клара, – возразил он расслабленным голосом. Он выпрямился и медленной, неуверенной походкой направился к стулу. – У нас не осталось ни единого цента, да и банк несостоятелен. Завтра все узнают про это.

Он беспомощно опустился на стул, закрывая лицо руками. Она села несколько поодаль от него. Удивленное выражение лица быстро сменилось гневным.

– Еще что скажешь? – насмешливо спросила она.

– Это не все, – ответил он, пристально глядя на нее.

Ему, видимо, хотелось как можно скорее отделаться от неприятного признания.

– Пропало несколько облигаций, и хотя в кассе растрата и кассир мог украсть их. Но весьма возможно, что в этом обвинят меня. Меня могут приговорить к отдаче в исправительную тюрьму. Что прикажешь мне делать теперь?

Он пошарил в кармане и вытащил револьвер, чтоб она видела его.

– Отдай мне револьвер, – холодно сказала мистрисс Сторрс, протягивая руку.

Он отдал револьвер жене с видимым облегчением.

– Как ты смел это сделать, – сказала она презрительно, с ненавистью в глазах глядя на него. – Благодаря тебе, я теперь нищая, ты обесчестил меня и моих детей!

Внезапный гнев до неузнаваемости исказил черты лица мистера Сторрса. Жена никогда еще не видела его в таком состоянии.

– Смотри, берегись, – прошипел он. – Тебе легко говорить. Ты, ведь, всегда желала богатства? Знай же, что вечера и воскресные школы не дают его. Я же спросил тебя, что мне делать? Разве тебе все равно? Если нужно бежать, то мне нечего терять здесь время.

Она ходила по комнате, а он все еще продолжал говорить.

– Зачем ты обращаешься ко мне теперь, когда все уже кончено? – воскликнула она. – Ты ни разу не заикнулся мне о возможности подобного риска.

– Ты сама этого не желала. Ты бы тогда стала меня презирать также, как в настоящую минуту. Ты рассчитывала на удачу с моей стороны, а как достичь богатства тебе было вполне безразлично. Счастье изменило мне, я тут совершенно не причем...

– Что теперь делать? Как я могу ответить тебе на это. Почему я знаю? Но неужели нет никакого выхода, нет спасения?

И тот, и другой так часто употребляли слово «спасение», что странно, что оно не напомнило им того Евангелия, на которое они так любили ссылаться в то время, когда жизнь их текла мирно и спокойно. Но оба думали теперь только об одном: как бы им спасти свои деньги и свою репутацию. Всякое упоминание о Боге, или о душе, показалось бы им теперь пошлым.

– Необходимо добыть двадцать тысяч долларов для того, чтобы меня не посадили на скамью подсудимых. Двести тысяч спасут банк от неминуемого краха.

Она, рыдая, опустила на стул. Мистер Сторрс нервно заерзал на месте, поглядывая то на жену, то на пол, он то сжимал свои пальцы, то вновь разжимал их. Он только теперь снял шляпу, устало прислонился головой к спинке стула, закрыл глаза и ждал, что будет дальше. Прошло полчаса в молчании. Мистрисс Сторрс то садилась и рыдала, то вставала и ходила взад и вперед по комнате. Наконец, она прервала молчание:

– Пойдем, со мной. Мы поедем к моей сестре.

– Зачем? – спросил он, выпрямляясь.

– Конечно, просить ее помочь нам. Может быть они согласятся?

– Вандемер? Ты думаешь, что он поможет нам?

– Во всяком случае, я попрошу их об этом. Это будет моим первым унижением.

Свет, озаривший, было, его глаза, потух. Не все-ли равно? Может быть, Вандемер и согласится спасти его от тюрьмы; он, может быть, выручит и банк, и даст ему возможность поправить свои дела. Завтра ему придется начать все сначала, без гроша денег в кармане, получая только жалованье и имея на душе долг, около трехсот тысяч долларов. Ему никогда не скопить такой громадной суммы. Придется опять рисковать, выискивать средства и бороться за существование. Если ему в конце концов и повезет, то расплатиться с долгами он успеет только перед смертью. На это понадобится десять, или, быть может, целых двадцать лет. На такой подвиг у него не хватает духу.

– Едем, – сказала мистрисс Сторрс, стоя в дверях.

К подъезду только что подкатил их экипаж. Кучер, по обыкновению, собирался ехать в банк, за мистером Сторрсом, но ему приказано было ждать. Мистер Сторрс с покорным видом следовал за нею. Они быстро доехали до Двадцать третьей улицы и вскоре лошади остановились перед домом на площади Грамерси.

Мистера Вандемера не было еще дома и мистер Сторрс прошел в библиотеку, в ожидании его возвращения. Мистрисс Сторрс тотчас направилась в гостиную своей сестры. Пока она ехала в экипаже, перед нею все яснее и яснее вырисовывались истинные размеры постигшей ее катастрофы. Ум её отказывался верить случившемуся. Она старалась доказать себе, что все это сон. Наверное, есть возможность как-нибудь избежать всего этого ужаса. Как убедить сестру помочь ей? Разве мыслимо, чтобы она стала нищей, живущей на счет благотворительности, женой каторжника? Присутствие рядом с нею этого конченного человека казалось ей каким-то зловещим признаком. Она охотно выскочила бы из кареты и убежала бы от него, если бы можно было совершенно устранить его из своей жизни, вернуть без всяких треволнений, свою прежнюю девическую фамилию.

– Ах, здравствуй, Клара, – равнодушно приветствовала ее мистрисс Вандемер, вставая с кушетки, на которой только что, лежа, читала, и протягивая ей пухлую, безжизненную руку. –

Ты ездила за покупками? – Её круглые, маловыразительные глаза остановились на минуту на лице сестры. Затем она прибавила: – У тебя усталый вид, хочешь чашку чая?

– Да, – сказала мистрисс Сторрс, давая волю душившим ее горю и гневу, – если ты не откажешься положить в него стрихнина. О, Сусанна, я вне себя от отчаяния. Случилось нечто ужасное, – почти выкрикнула она. – Генри разорил и обесчестил меня. Он потерял все, что у нас было.

Мистрисс Вандемер подалась назад, не спуская с сестры широко раскрытых глаз. Вся эта история была ей очень неприятна. Зачем Клара ворвалась к ней так неожиданно и зачем так громко кричит о таких ужасных вещах? Какое она имеет на это право?

– Сусанна, – продолжала мистрисс Сторрс, понизив вдруг голос и еле говоря от волнения, – я ровно ничего не понимаю в этом деле, но если ты и Вилльям откажетесь помочь нам, то Генри посадят в тюрьму, а я застрелюсь!

– Боже милостивый! – кротко сказала мистрисс Вандемер, волнуясь, насколько ей это позволяла её расплывчатая, флегматичная натура.

Глава IV

Мистеру Вандемеру было приблизительно лет сорок пять-пятьдесят. Росту он был немного выше среднего. Вся его фигура была приятно округлена и имела сильную склонность к полноте. Физически он был вполне здоров и бодр, красив и хорошо сложен. Но бритое лицо было типичной физиономией американского аристократа. Он принадлежал к тем людям, которые, унаследовав от предков громадные средства, умеют сами их приумножить. Много общего было у него и с теми, которые сами выбиваются из нищеты и наживают себе большие состояния. Оба эти типа людей давно уже обособились в совершенно отдельный класс и между ними трудно провести границу. И те, и другие отделяются от плуга одним, много двумя поколениями. Дед мистера Вандемера, будучи еще молодым начинающим торговцем, сам развозил свой товар на тележке по улицам Нью Йорка. В семьдесят лет, когда он уже был крупным нью-йоркским собственником, старик, ни на минуту не задумываясь, собственноручно разгружал свои суда в назидание ленивым портовым рабочим. Погоня за богатством ни на минуту не ослабевает у этих людей, поглощает их всецело, но все их приемы остаются чисто демократическими. Многие богатые американские наследники продолжают вести начатую их отцами борьбу, с той же непоколебимой, сильной, неостывающей энергией, с которой работали их предки – и в этом именно и состоит характерная особенность Америки.

Мистер Сторрс мрачно дожидался в библиотеке возвращения Вандемера. Отчаяние мелких нефтепромышленников, на которых так тяжело должно было отразиться его банкротство и которых он в сущности разорил, нимало его не беспокоило. Его всецело поглощала мысль о крушении собственного благополучия. Кто-то открыл дверь в библиотеку. Мистер Сторрс, думая, что пришел Вандемер, не взглянул даже на вошедшего. Он живо почувствовал всю униженность своего положения.

Детские голоса, раздавшиеся в библиотеке, привлекли его внимание и он невольно повернул голову в их сторону. Он увидел совсем не зятя, как ожидал, а своего племянника, Ричарда Вандемера, тоненького, белокурого мальчика лет пятнадцати, и маленькую Дору Престон. Родства между ними не было никакого, но с тех самых пор, как мальчик себя помнил, она всегда заменяла ему сестру. Доре было двенадцать лет и она давно уже находилась на попечении у м-сс Вандемер. Она была дочерью судьи Джошуа Престона, старинного друга детства самого Вандемера. Мать Доры умерла, когда ей было три года, и м-сс Вандемер тотчас же перевела девочку в свою детскую, в которой Ричард начинал уже усердно столярничать.

– Я нашла эту книгу сегодня, Дик. – сказала Дора, войдя в библиотеку.

Она круто оборвала начатую фразу и замолчала при виде какого-то господина, сидящего в громадном кожаном кресле. Мистер Сторрс сидел полузакрыв рукою лицо и потому Дора не сразу узнала его.

– О, посмотри, Дик, – прошептала она, хватая его за руку, – тут кто-то чужой!

– Здравствуй, дядя Генри, – сказал Ричард, встретившись глазами с мистером Сторрсом. – Мы не помешали тебе? Мы пришли только за книгой и сейчас же уйдем.

Мистер Сторрс моментально встрепенулся. Он не забывал о необходимости самообладания даже при детях. Он не хотел, чтобы они заметили в нем какую-нибудь перемену.

– Сделай одолжение, – улыбаясь, сказал он и протянул племяннику руку. – Какую же ты книгу ищешь, милый мой?

– Не знаю, сэр. Дора случайно набрела на нее и совершенно не помнит заглавия.

– Вот она! – воскликнула Дора, вытаскивая с полки какую-то громадную книгу. – Название «Потерянный рай».

Глаза её так и сверкали. Для нее свет все еще был волшебным миром с неисчислимыми сокровищами.

– Вы еще не читали эту книгу? – ласково спросил мистер Сторрс. – Это старинная вещь. Помню, я читал ее еще мальчиком, приблизительно в твоём возрасте, Ричард. До сих пор помню иллюстрации Дорэ. Как они хороши, Дора! Когда вы подрастаете и будете читать эту поэму, то текст понравится вам еще больше, чем иллюстрации.

Невольно привлеченная его спокойным, ласковым голосом, Дора подошла к нему с книгой в руках. Её худенькая, чрезвычайно грациозная фигурка поражала своею детскостью. У неё были щеки и шея шестилетнего ребенка. Но выражение губ было полно чувства и нежности; большие, серые любящие глаза казались еще темнее от длинных ресниц и поражали своей зрелостью и выразительностью, свойственными разве только взрослой женщине. Если бы ей было суждено вечно жить, она не могла бы никогда усовершенствоваться, стать более чистой и любящей, чем была. Для таких людей года не имеют значения для развития этих качеств. Страсть не в состоянии ничего прибавить нового к их чувству любви. Они дают больше, нежели получают извне, от общества и времени. Они дети будущего, живые иллюстрации его грядущей красоты. Их жизнь редко бывает счастливой, но один тот факт, что они существуют, удваивает цену радостей жизни. Жизнь поглощает их качества и затаптывает их.

– Разве мне еще рано читать эту книгу? спросила она, устремляя на него серьезный взгляд серых глаз.

– Что это еще за новости, Генри? Мне рассказали о тебе совершенно невероятные вещи! – сказал мистер Вандемер, неожиданно войдя в комнату. Мистер Сторрс встал, жесткий и выражением лица давая понять своему собеседнику, что он не желает говорить о своих личных делах в присутствии детей. Дети тотчас удалились и мужчины остались одни.

– Сусанна только что сообщила мне о твоём несчастье, – сказал мистер Вандемер, устремляя на своего зятя ясные, вопрошающие глаза.

– Да, полное банкротство, – ответил мистер Сторрс, также в упор глядя на зятя застланными глазами.

– Твое или банка?

– Банк также пострадал. Все мое состояние ухлопано в Кинстонское нефтепромышленное общество.

– Разве ты имеешь какие-нибудь отношения к нему? Стало быть общество лопнуло?

– Пока это никому еще не известно, но дня через два об этом будут говорить на всех перекрестках. Может быть, завтра публика все уже узнает.

– Ты сколько потерял денег в этом деле?

– Решительно все. Да кроме того я взял еще в банке тысяч сто.

– А банк потерял на какую сумму?

– Он совершенно не будет в состоянии выплатить вкладчикам их деньги. Я недавно только узнал, что купленные нами векселя на сумму в двести тысяч долларов не стоят и двадцати. Кроме того, я заметил у кассира недочет в двадцать тысяч долларов. Кто-то, не знаю кто, взял на двадцать тысяч банковских облигаций и заменил их простыми бланками.

Мужчины разговаривали стоя, пристально глядя друг другу в глаза. Мистер Вандемер, по-видимому, отлично понял в чем дело и насторожился. Он говорил быстро, почти резко, желая поскорее разузнать фактическую сторону дела. Мистер Сторрс отвечал гораздо медленнее, но ни в его манерах, ни в голосе не было заметно и следа волнения. Единственным признаком сильного внутреннего волнения был легкий румянец, игравший у него на щеках. Мистер Сторрс опять уселся на стул, мистер Вандемер взял другой и подсел поближе к зятю.

– Ну, Генри, – промолвил он сочувственно, – дело выходить дрянь.

Мистер Сторрс утвердительно кивнул головой, но ничего не ответил. По правде сказать, он никогда не рассчитывал, чтобы зять помог ему устроить свои денежные дела. Сам бы он никогда этого не сделал ни для кого.

– У банка есть излишек денег? – спросил мистер Вандемер.

– Сорок тысяч.

– Стало быть, чтобы избежать краха ему необходимо приблизительно двести тысяч. Так ведь? Нечего сказать, кругленькая сумма. Конечно, для тебя это тяжелый удар, но переживают же его другие. По моему твоей личной репутации не грозит никакой опасности. Сусанна только что делала мне какие-то намеки по этому поводу. Есть ли для тебя опасность?

Мистер Сторрс не встретился взорами с зятем и в то же время как будто бы и не старался избежать его взгляда. Он с мрачным, безнадежным видом смотрел куда-то в пространство.

– Я лично отвечаю за все пропавшие облигации. По правилам только я один имею доступ к ним.

– Но какие же могут тут быть сомнения? – удивленно спросил мистер Вандемер. – Облигации похитил кассир, это ясно, как день.

– Я никогда не смогу доказать этого, ясно установить его виновность. Он будет, вероятно, все отрицать и подозрение падет на меня.

– Ты говоришь, что у него недочет в денежных суммах? Не думаю, чтобы кому-нибудь пришла в голову фантазия оспаривать его виновность относительно кражи облигаций. Кому же придет в голову мысль обвинить тебя?

Дело казалось так ясно, так просто мистеру Вандемеру. Его чрезвычайно удивляло волнение зятя из-за каких-то несбыточных опасений.

– Было бы гораздо безопаснее и лучше вернуть завтра же все облигации на их прежнее место, – сказал мистер Сторрс. – Мне бы это очень хотелось устроить, Вилльям. Не одолжишь-ли ты мне двадцать тысяч?

– Чтобы помочь тебе скрыть следы преступления? Да, никогда в жизни!

Мистер Вандемер говорил быстро, сердито. Он никогда не позволит себе ничего, смахивающего на мошенничество. Через минуту его озарила догадка, он начинал кое что понимать. Он пристально посмотрел на мистера Сторрса, и подозрение сменилось в нем уверенностью. Он готов был бросить тому в лицо обвинение в воровстве, вышвырнуть его вон отсюда, но во время вспомнил про жену и её просьбу. Когда он вновь заговорил, его голос звучал леденяще, все его обращение стало как-то сдержаннее. Он придумал план действия и решил осуществить его с своей обычной бурной стремительностью.

– Ты знаешь, где живет кассир?

– Да.

– Пошли за ним.

Мистер Сторрс на минуту замялся, затем медленно проговорил:

– Он может испугаться такому неожиданному приглашению и сбежать.

– Будь я на твоём месте, я предоставил бы ему как можно больше времени, чтобы бежать отсюда. Он не вернется, чтобы изобличит тебя. Он лучше предпочтет взять на себя обвинение в краже облигаций, нежели отсиживать в тюрьме за то, что он действительно сделал.

Мистер Сторрс густо покраснел и опустил глаза.

– Ты передашь поручение твоему кучеру на словах. Писать ничего не надо. – Он встал, направился к дверям и прибавил: – Я вернусь сюда через два часа, в случае если он к нам не пожалует. Как только он явится, мы сейчас сообщим ему, что он растратил банковские деньги, укажем ему точную сумму хищения. Может быть, удастся убедить его взять всю вину на себя. Если же он откажется признать себя виновным в краже облигаций, его могут и оправдать.

Набросав в общих чертах свой благородный план, мистер Вандемер вышел из комнаты.

– Джон, – сказал он дворецкому, – скажите кучеру мистера Сторрса, чтобы он тотчас пошел к своему барину в библиотеку.

По мнению мистера Вандемера намеченная им программа действий нисколько не противоречила его убеждениям. Конечно, он ни одному человеку не даст в долг денег, чтобы спа-

сти его от правосудия. Деньги вещь осязательная и всегда есть возможность докопаться до их первоисточника. Не так-то легко, однако, напасть на след инициатора идеи.

Он прошел наверх, где его давно уже ждала жена и м-сс Сторрс, и тотчас же в сжатых словах выяснил обеим дамам настоящее положение дел. Жена его решительно ничего не поняла из его объяснений. Она уже выразила ему свое желание и была вполне уверена, что Вильям, как всегда впрочем, не откажется его выполнить.

Как только он вошел в комнату, м-сс Сторрс тотчас перестала плакать и рыдать и внимательно выслушала его. Она поняла из сдержанных слов зятя, что мистер Сторрс действительно потерял все свое состояние, и что в довершение всех бед его могут посадить на скамью подсудимых по обвинению в преступлении уголовного характера, что возврат к прежней роскоши совершенно невыносим, но что есть возможность избежать громкого скандала, если кассир согласится взять всю вину на себя.

В её душе происходила сложная борьба: тут было и горе об утраченном благосостоянии, ужас при мысли о мрачном, нищенском будущем, гнев на человека, доведшего ее до полного разорения, страх, что свет будет ее презирать, и надежда на возможность избежать этого последнего несчастья.

– Не лучше ли будет, если я сама повидаюсь с кассиром и умолю его признаться во всем? – спросила она, равнодушно поглядывая на себя в зеркало.

Её предложение чрезвычайно удивило мистера Вандемера. Ему бы никогда в голову не пришла подобная мысль. Он вспомнил, что, действительно, красивая женщина, доведенная до полнейшего отчаяния, часто бывает прямо неотразима в своем горе и что ей весьма часто удается достигнуть неожиданного успеха только лишь благодаря силе своих чар. Но сама мысль не особенно ему нравилась.

– Тебе будет тяжело, – ответил он. – На успех твоего предложения трудно рассчитывать, если личный интерес не заставит его принять предложенную нами комбинацию.

– Мне надо подготовиться к возможности всяких неприятностей, – со вздохом сказала м-сс Сторрс. – Теперь не время думать о себе. Мои дети...

Её губы задрожали, в глазах блеснули слезы и она поспешно стала утирать их своим носовым платком. Через несколько минут она успокоилась и проговорила с полным самообладанием:

– Я непременно должна повидать кассира.

После того как она приняла такое геройское решение, ее исключительно интересовал вопрос, каким образом ей лучше использовать свое положение. Она соображала, как поступила бы при данных обстоятельствах истая христианка, хорошая, чуткая ко всему женщина. В конце концов, у неё составилась план действий для данного момента, и не останавливаясь на подробностях своего проекта, она решила на будущее время изображать из себя страдальицу.

– Я пойду вниз к мужу и побуду с ним пока, – сказала она грустно.

Она проплыла в библиотеку и тихо опустилась на стул рядом с мужем. Она крепко сжала губы и ни единого слова упрека не сорвалось с них. Она не могла сдержать своих слез, – но разве, вообще, мыслимо предъявлять подобное требование к женщине. Она делала все, чтобы муж не заметил её слез, отворачивала от него голову и закрывала лицо руками. Мистер Сторрс сидел неподвижно, как истукан. Он сидел и ждал, совершенно разбитый и умственно, и физически.

Кто-то позвонил у парадного входа. Мистер Сторрс невольно вздрогнул. Вслед за звонком в комнату вошел мистер Вандемер с Гарри Кингом.

– Клара, – сказал мистер Вандемер, – не лучше ли тебе уйти пока отсюда? Мистер Книг зашел ко мне по частному делу.

– Заклинаю вас, позвольте мне остаться, – сказала м-сс Сторрс, поднимаясь с места и с мольбой во взоре оглядывая присутствующих. – Я уверена, что мистер Кинг ничего не будет

иметь против моей просьбы. Я объясню ему, что побудило меня на это. Любопытство тут не причем. Я... я не хотела бы еще больше растравлять его раны моим присутствием. Мистер Кинг, – воскликнула она с трагизмом, в лице, делая к нему несколько шагов, – от вашего решения зависит все будущее моих детей, вы один можете спасти меня от сумасшествия! Я... я... – она отвернулась и рыдая опустила на стул.

Гарри Кинг неподвижно стоял возле двери. В первую минуту его очень поразил вид этой дрожащей от волнения женщины, её совершенно непонятные для него слова. Она продолжала говорить, а он опустил глаза и пристально рассматривал пол. Он не двинулся с места, не порывался ответить ей.

Наконец, мистер Вандемер повернулся к нему и заговорил спокойным, размеренным тоном.

– Вы уже, вероятно, знаете, что ваша растрата в настоящий момент не тайна. Ее удалось раскрыть.

Бледное, серьезное лицо кассира стало еще мертвеннее, выражение еще более торжественным и важным.

– Совершенно отказываюсь, понимать, – произнес он отчетливым, но слабым голосом, – почему мое личное маленькое несчастье так расстроило м-сс Сторрс.

– Ты, может быть, сам желаешь объясниться с мистером Кингом? – спросил мистер Вандемер, глядя прямо в лицо мистеру Сторрсу.

Тот отрицательно мотнул головой и мистер Вандемер приступил к щекотливому объяснению.

– Вы явились сюда по приглашению мистера Сторрса и мы не имеем права выпустить вас отсюда иначе, как в сопровождении полицейского агента. Вас арестуют и без всякого сомнения признают виновным в растрате банковских денег. Я буду с вами вполне откровенен и не скрою, что доказать, что облигации похищены вами, будет нам довольно трудно. Позвольте вас спросить: вами-ли взяты облигации и признаете-ли вы себя виновным в этом похищении на суде?

Гарри Кинг на минуту оторвался от созерцания пола, взглянул на мистера Сторрса и тотчас, молча, опять потупил глаза.

– Я хотел бы вам предложить еще несколько вопросов, мистер Кинг, – помолчав, сказал мистер Вандемер. – Простите, вы женаты?

– Нет, – ответил мистер Кинг.

– Вы содержите кого-нибудь?

– Нет.

– У вас нет никого близких?

– Сестра есть, но ее я обеспечил.

Мистер Вандемер пристально смотрел на молодого человека, в его зорких глазах появилось более мягкое выражение. Видимо, мистер Кинг внушал ему симпатию. Что-то подозрительно похожее на жалость было в выражении его глаз.

– За преступление, совершенное вами, – а улики имеются в данном случае на лицо, – вам грозят принудительные работы, мистер Кинг. Кроме того, на вас же ляжет обвинение в похищении банковских облигаций.

– Нет, этого не будет, – быстро заговорил мистер Сторрс. – Я не выступлю с обвинением против тебя, Гарри. Я буду молчать.

Мистер Вандемер бросил презрительный взгляд в сторону зятя, повернулся к нему спиной и направился к двери. Сделав несколько шагов, он круто повернул обратно.

– Или вы, или мистер Сторрс будет признан виновным во всей этой грязной истории, – сказал он. Даже если мистер Сторрс будет упорствовать в молчании, вас все же не оправдают. Для нас существенно важно, мистер Кинг, чтобы имя мистера Сторрса не трепалось бы всюду зря в связи с этим делом. Если вы согласитесь избавить нас от тревожений и довольно ощути-

тельных расходов, связанных с доказательством вашей исключительной виновности в настоящем деле, то я с своей стороны обещаю вам пустить в ход все мое влияние, чтобы добиться смягчения вашей участи. Как только вы отбудете наказание, я обязуюсь помочь вам начать жизнь сызнова.

Мистрисс Сторрс, делая невероятные усилия, чтобы подавить бурные рыдания, взглянула на кассира и воскликнула:

– Умоляю вас, мистер Кинг...

Он жестом заставил ее замолчать и, повернувшись к мистеру Вандемеру, сказал, обращаясь к нему:

– Я беру всю вину на себя, но покорнейше прошу вас не беспокоиться и не хлопотать обо мне.

Мистер Сторрс, как ужаленный, откинулся на спинку стула. Мистрисс Сторрс, рыдая, вышла из комнаты. Мистер Вандемер молчал, не находя, чтобы сказать приличествующее случаю. Быстрота, с какой последовало согласие, и бескорыстие молодого человека совершенно ошеломили мистера Вандемера. Он чувствовал, что молодой человек поступает вполне искренно, отказываясь от всякой награды за свою услугу. Но удивление мистера Вандемера вскоре улеглось. Он сумел добиться того, чего хотел, и теперь у него было одно только желание: как можно скорее сбить с рук все это дело. Он все еще чувствовал редкую для него симпатию к мистеру Кингу и решительно не знал, как теперь быть с ним. Он не мог заставить себя тотчас же отправить в тюрьму человека, согласившагося взять на себя чужое преступление. Кассир первый нарушил неловкое молчание. Он поднял глаза и сказал:

– Будьте добры, мистер Вандемер, и пошлите за полицейским агентом. Я не стану вас утруждать своим присутствием и тотчас же последую за ним.

– Садитесь, мистер Кинг, – сказал мистер Вандемер, указывая ему стул, на котором только что перед тем сидела м-сс Сторрс. Он позвонил, явился дворецкий.

– Джон, возьмите у мистера Книга его шляпу и... – голос его стал мягче, он несколько замялся, а затем продолжал: – и сейчас же пошлите за полицейским агентом.

Все трое сидели вместе в глубоком молчании. Прошло некоторое время томительного ожидания, затем мистер Сторрс заговорил дрожащим голосом:

– Я тебе бесконечно обязан, Гарри. Ты так легко мог бы избежать ответственности за часть позора. Быть может, ты мог бы и меня заставить разделить его с тобою.

– Вы мне ровно ничем не обязаны, – сказал кассир. – Мне необходимы были эти деньги. – Он наклонился вперед, закрывая лицо руками. – Бежать было бы невыносимо, спасение было невозможно, – прошептал он. – Все с самого начала было непростительной ошибкой.

Вновь водворилось молчание. Гарри, казалось, совершенно не замечал присутствия своих двух компаньонов. Он был еще так молод и не смог устоять против соблазнов мишурного света. Он был еще молод, и под ударом страшного бича что-то дрогнуло в его сердце, в нем проснулось раскаяние. Как бы жестоко посмеялись над ним оба эти солидные господина, давно уже утратившие свою молодость, если бы они знали, что происходило у него на душе; как все это показалось бы им деланным, смешным. Положение их в данную минуту было не из приятных. Нечего было и думать упрекать его в необдуманности и опрометчивости, а такая роль наверное получила бы одобрение света. Им нельзя было даже открыто выразит ему свое соболезнование. Мистеру Вандемеру делалось все более и более не по себе, молчание удручало его, и потому он искренно обрадовался появлению полицейского, которому он тотчас же и сдал сознавшегося преступника.

Затем вскоре уехал домой и мистер Сторрс с женой. Проводив их, мистер Вандемер, не торопясь, направился в клуб.

– Мистер Витакер здесь? – спросил он клубного казачка, стоявшего у дверей. Получив утвердительный ответ, мистер Вандемер отправился отыскивать своего знакомого, и найдя его в бильярдной, отозвал его в сторону.

– Не надо завтра предлагать Кинстонскому нефтепромышленному обществу слиться с нами в одно предприятие, – сказал он.

– Почему? – удивился тет.

– Его песенка спета. Самое большое оно продержится еще день-другой.

Мистер Витакер весело улыбнулся.

– Очень рад, – сказал он. – Повысить нам цену на очищенную нефть?

– Нет, – задумчиво ответил мистер Вандемер. – Я бы напротив понизил цену на пол цента. Боюсь, как бы крах Кингстонского общества не придал бы мужества уцелевшим мелким обществам. Нам нужно решительно уничтожить их теперь же раз на всегда.

На следующий день весь город уже знал о крахе Кинстонского акционерного общества. Многие, имевшие на руках его акции, были в полном отчаянии. Дня два только и было разговору, что об этом крахе. В вечерних газетах появилась заметка о личной прикосновенности мистера Сторрса к лопнувшему предприятию и об его банкротстве. Произошла паника, публика осаждала банк, требуя возвращения своих вкладов. При выдаче вкладов вскоре обнаружилась несостоятельность банка, прекратили платежи, заперли двери и все замерло в банковском помещении.

Подобные сильные потрясения редко проходят бесследно для таких людей, каким был мистер Сторрс. Его умственные способности сильно ослабели, вся жизнь его была разбита. Он скончался четыре года спустя после роковой для него катастрофы в меблированных комнатах жены на Вашингтонской площади.

Итак имя Сторрс было незапятнано, на нем не тяготело обвинение в совершении столь ужасного преступления. М-сс Сторрс смело могла смотреть в лицо всему свету и, несмотря на всю скромность занимаемого ею общественного положения, высказывать свое мнение по тем или другим вопросам нравственности. Все удалось преблагополучно уладить, причем вполне игнорировались интересы вкладчиков, им предоставили самым позаботиться о себе.

Глава V

Четыре раза в год Карл Фишер ходил в банк получать проценты со своего капитала, и каждый раз ему выдавали до 100 долларов. В последний раз он был в банке в апреле месяце. Настал июль, и он опять отправился в банк за своими процентами. День был жаркий и душный. Карл не торопясь шел по улицам, держась теневой стороны. Он часто останавливался и отдыхал по дороге. Нельзя сказать, чтобы он изнывал от жары и очень устал. Идти приходилось далеко, не менее трех мил. Ему в голову даже не приходила мысль, что можно сесть в вагон трамвая и не утруждать себя такой длинной прогулкой. Люди, которые сколачивают себе капитал в 10 тысяч долларов, делая сбережения из своего жалования и из заработка жен, не в состоянии тратить деньги на езду в трамвае. Ему безразлично было, где отдыхать, и он с одинаковым удовольствием садился на тумбу и на ящик, поставленный у входа в магазин. Усевшись, он снимал шляпу, обмахивался ею, вытирал платком вспотевший лоб и добродушно посматривал вокруг себя.

Когда Карл Фишер, наконец, поравнялся с банком, было почти три часа пополудни. Он поднялся по знакомым ступенькам и, открыв входную дверь, очутился в комнате с совершенно незнакомой ему обстановкой. В комнате не было видно и следов старой, тяжелой банковской обстановки. Вся комната была перегорожена на клетушки низенькой решеткой. В ней стояло с полдюжины американских конторок и несколько стульев. За конторками писали совершенно незнакомые ему люди, другие качались на стульях, разговаривали друг с другом и искали что-то на карте. Он смутился и простоял несколько минут посреди комнаты, не отдавая себе ясного отчета, куда ли он попал. К нему подошел один из конторщиков и спросил, что ему угодно.

– Я пришел за моими деньгами, – медленно ответил Карл, с недоумением глядя на конторщика.

– За какими деньгами? Разве мы вам должны?

– Ведь тут банк? – сказал Карл, медленно обводя комнату глазами. – Неужели я ошибся?

– Ах, вам нужен банк, вот оно что. Его нет здесь. Тут теперь помещается контора по покупке земли, Мак Фарланда и Бради. Они, ведь, вам ничего не должны?

– У меня остались еще деньги в банке, – волнуясь заговорил Карл. Ему очень хотелось поскорее все выяснить.

– Вот как, у вас там были деньги? В таком случае вы опоздали и ничего теперь не получите. Банк лопнул, его уже нет здесь. Понимаете?

– О, да. Его нет. Я понимаю. Где он?

– А почему я знаю. Говорят вам, что он лопнул. – Видя, что старик его не понимает, и желая поскорее отделаться от него, конторщик прибавил, повысив голос: – Все ваши деньги ухнули. Вот уже два месяца прошло, как банк закрылся.

Карл проводил глазами отошедшего от него конторщика, затем медленно повернулся к двери, долго провозился с ручкой и, наконец, вышел. Он долго простоял перед дверью, как бы тщательно изучая ее, но она ничего ему не пояснила. Правда, наружный вид двери изменился, но что на ней было написано он и раньше никогда не мог прочесть. Кто-то оттолкнул его в сторону и вошел в контору. Он спустился со ступенек и оглянулся на здание. Да, он хорошо знал это здание. Он встал в сторонку, чтобы не мешать другим и целый час разглядывал высившиеся перед ним здания, полусознательно смотрел на прохожих и на каменные плиты бульвара. Если кто-нибудь из прохожих останавливался рядом с ним, старик дергал его за рукав и спрашивал: – Разве это не банк? Где он? – Случайный сосед искоса поглядывал на Карла и торопливо отходил от него прочь. Лишь немногие достаивали его ответа: – Банк? Да он лопнул месяца два тому назад. – В конце концов, его заметил полисмен, дежуривший на

углу. Поведение старика показалось ему в высшей степени подозрительным и, решив, что это нищий, он подошел к нему и дотронулся до него своею палочкою.

– Зачем вы здесь стоите? – грубо спросил он.

– Я пришел за моими деньгами. Я потерял банк. Где он?

– Потерял банк? Банк давно лопнул. Не видать вам больше ваших денежек. Нечего вам здесь стоять, все равно ничего не получите, хоть весь день простойте. Убирайтесь-ка лучше прочь отсюда.

На глазах у Карла заблестели слезы. Он не понимал, что такое собственно произошло и ушел, ровно ничего не соображая. Он смутно начинал понимать, что деньги его пропали безвозвратно. Он направился домой. Теперь ему было уже не до отдыха, он шел, ничего не видя перед собою и с опущенными глазами. Он часто качал головой и шептал про себя:

– Деньги. Где они? Они принадлежат Катрине и мне. Все пропало.

Он совершенно машинально придерживался верного направления и сам не заметил, как оказался около своего дома. Текла встретила его у калитки и вернула его к суровой действительности. При виде дочери, он, заливаясь слезами, упал перед нею на колени, крепко обнял ее и положил голову на плечо девочки.

В первую минуту она побледнела, как смерть, затем кровь горячею волною вновь залила её побелевшее личико. Горе отца мучило ее, и она смотрела на него расширенными от ужаса глазами. Текла обняла отца и сквозь слезы проговорила:

– Папа, папа!

– Моя бедная, маленькая Текла, – простонал он. – Ах, Боже мой, Боже!

Текла причитала и плача тащила отца за плечо.

– Встань, встань же, – уговаривала она его, совершенно обезумев от страха. – Милый папа, встань, пойдем домой.

Наконец, он встал, и она повела его домой. Слезы обильно струились по их лицам. Если бы старика спросили в этот момент, о чем он так убивается, он не мог бы объяснить в чем дело, девочка же и не спрашивала его ни о чем.

Они, спотыкаясь через ступеньки, дошли до дверей, крепко держась на руки и с затуманенными от слез глазами, скрылись за ними. М-сс Фишер сидела на кухне и чистила картофель, но заслышав их шаги, стремительно поставила кастрюлю на пол, схватила свою палку и заковыляла им навстречу.

– Ты ушиблась, Текла? – закричала она ей издали. При виде жены, Карл инстинктивно смахнул слезу и поспешно заговорил.

– Да, да, Текла ушибла нос. Ступай, Текла, – продолжал он, выталкивая дочь в заднюю комнату – Ступай скорей играть, ничего, все заживет скоро.

Выдумка отца несколько не поразила Теклу, она сама готова была уверовать, что, падая, расшиблась. Она перестала плакать и побежала в парк, не переставая усиленно тереть глаза кулаком.

Карл не обмолвился Катрине ни единым словом о постигшем их горе. Но у него и в помыслах не было оградить жену от такого жестокого удара. Ему в голову не приходило подумать: «Я один выстрадаю весь этот ужас. Жена никогда ничего не узнает об этом». Он просто не мог себя заставить сообщить жене такую грустную новость и потому выносил всю тяжесть обрушившегося на из несчастья один. Он провел весь вечер с женою, сидя рядом с нею в своей старенькой качалке с высокой, прямой спинкой и многочисленными пухлыми подушками Катриного изделия и часто нежно посматривал на нее. Когда слезы навертывались ему на глаза, он закрывал их и притворялся спящим. Только раз за весь вечер он нарушил молчание. Перед тем как ложиться спать, он сказал ей по-немецки:

– Завтра я пойду в мастерскую. Мне скучно без дела. Хочется еще немного поработать.

На следующее утро он отправился в нижний город и взял с собою судок с обедом. Он с трудом поднялся во второй этаж по узенькой лестнице старинного деревянного дома на улице Фултон возле самого моста. Граверная мастерская и контора Андрея Буша помещалась в этом доме уже более двадцати лет. Мистеру Бушу было лет шестьдесят. Его жиденькие волосы и борода были почти совершенно белы. Лицо носило следы усталости и утомления и было землистого цвета, но выражение было замечательно доброе.

– А, здравствуйте, Карл, – сказал он при виде своего бывшего служащего с судком в руке, – вы пришли позавтракать со мною?

– Здравствуй, мистер Буш, – ответил Карл, кивая ему головою. – Я пришел работать в мастерскую.

Мистер Буш добродушно улыбнулся и покачал головою.

– Очень жаль, Карл, но ваше место давно уже занято. Вы слишком стары, пора вам отдохнуть. Надо уступать дорогу молодым силам. Вам следовало бы радоваться, что вы можете, наконец, пожить в свое удовольствие и хорошенько отдохнуть. Желал бы я быть на вашем месте.

– Мне приходится опять встать на работу, – сказал Карл. – Мои деньги все пропали. Все до последнего цента.

– Не может быть! – искренно удивился мистер Буш. – Куда же делись ваши деньги?

– Я не знаю. Банк уехал куда-то вместе с ними.

– Ах, вспоминаю теперь, – сказал мистер Буш. – Вы ведь отдали ваши деньги на хранение в Народный банк? Я слышал про этот крах и несколько раз вспоминал вас. Но я был уверен, что вы получили ваш вклад обратно из банка. Неужели вы ничего не знали об этом? Мне в голову не пришло послать вам сказать о полном банкротстве банка. Не может быть, чтобы вы все потеряли, Карл, решительно все, что у вас было.

– Да, я все потерял и даже деньги Катрины. Мне необходимо работать.

Мистер Буш беспокойно заерзал на стуле и выглянул в окно. Он был очень взволнован и не знал, как ему поступить в данном случае. Отказать своему бывшему служащему было ему далеко не легко.

– Никак не могу взять вас обратно в мастерскую, Карл. Мне вас ужасно жаль. Но войдите же и в мое положение. И так уж дело идет из рук вон плохо. Теперь ведь совсем не то, что было лет десять тому назад. Конкуренция теперь огромная. Я сам потерял не мало денег в своем деле, Карл. Мне необходимы молодые работники, новые инструменты, нужно изучать новые способы или всему делу крышка. Боюсь только, что я сам слишком уже стар и не гожусь на это.

Карл далеко не все понял из того, что говорил ему бывший хозяин. Он лишь смутно понял, что хозяин не соглашается взять его обратно к себе в мастерскую и у него похолодело на сердце от страха.

– Я должен вернуться сюда, – упрямо настаивал он на своем, – мне нужно работать.

– Но, ведь, я же вам сказал, что я не могу этого сделать, – раздражительно ответил ему мистер Буш, которому в глубине души было очень жаль старика. – Разве я бы не взял вас обратно в мастерскую, если бы была хоть малейшая возможность.

Он замолчал и принялся перебирать бумаги у себя на конторке.

На лице Карла мелькнуло выражение отчаяния. Он задрожал всем телом и быстро и громко заговорил по-немецки. Трудно было разобрать что-нибудь из того, что он говорил. Он все время размахивал судком перед самым носом своего прежнего хозяина.

– Полноте, успокойтесь, Карл, – воскликнул мистер Буш, быстро вскакивая с места и хватая старика за руку. – Ступайте ка лучше домой, пока вас еще не забрали. Идите теперь домой, – сказал он, подводя его к двери и выталкивая его на лестницу.

Карл и не думал сопротивляться и даже не оглянулся, когда за ним захлопнулась дверь, ведущая в контору. Он, спотыкаясь, спустился с лестницы и торопливо направился на Фултон-стрит, к тому зданию, в котором раньше помещался банк. Он медленно вскарабкался по

ступенькам, не переставая что-то бормотать про себя и очутился в конторе Мак Фарланда и Бради.

– Эй вы, – закричал он, дико озираясь во все стороны, – куда делся банк? Он нужен мне. Я хочу, чтобы мне вернули мои деньги. Вы должны сейчас же отдать их мне.

Все присутствующие в ужасе смотрели на разбушевавшегося старика.

– Повалился ходить к нам каждый день этот сумасшедший, чистое наказание с ним, – сказал конторщик, который накануне объяснялся с Карлом.

– Выставьте его вон отсюда, – резко приказал Мак Фарланд. – Скажите полисмэну, чтобы он арестовал его. Невозможно допустить, чтобы он приходил сюда каждый день скандалить и мешал бы всем работать. Мало-ли что может случиться, с него всего хватит, он может и изувечить здесь кого-нибудь.

– Пойдемте со мной, – примирительным тоном обратился к старику конторщик. – Я укажу вам, где теперь помещается банк.

– Да, да, – сказал Карл, выходя вслед за ним на улицу и весь трясаясь от волнения. – Я должен получить свои деньги.

Пройдя квартала два, они нашли полисмэна. Конторщик подвел к нему Карла и сказал:

– Вот этот сумасшедший голландец повадился ходить к нам в контору каждый день и позволяет себе всячески угрожать нам. Он твердо убежден, что потерял все свои деньги при крахе Народного банка. Арестуйте-ка его лучше сейчас же и посадите его куда-нибудь.

Полисмэн тотчас же арестовал Карла и отправил его в участок. Его обвинили в нарушении общественной тишины и порядка и заперли в камеру в ожидании производства дознания. К счастью, ему не долго пришлось просидеть в заключении. Несколько попозднее в участок зашел полисмэн, в квартале которого жил Карл. Прочитав на листе фамилию и адрес арестованного старика, полисмэн тотчас же справился, в какую камеру его посадили, и настоял на немедленном освобождении Карла из под ареста. Старик провел в заключении четыре часа и вышел на улицу наружно совершенно успокоенный и погруженный в какую то глубокую думу. В его глазах появилось теперь новое, чуждое им до сих пор выражение. Выражение их стало гораздо осмысленнее прежнего, в них светилась мысль. Старик был всецело обязан своим расширившимся кругозором товарищу по заключению Аве Ларкинсу. Ларкинс сумел разъяснить ему толково и ясно, куда делись его деньги и дать ему верное представление о том обществе, которое не погнушалось отобрать у бедняка его последние крохи. Ларкинс только что успел отбыть срок наказания на принудительных работах за совершенную им кражу со взломом и теперь вторично сидел под арестом в качестве рецидивиста. Он не стал рассказывать Карлу все свое прошлое, но внимательно вслушивался в бессвязные речи взволнованного немца и скоро настолько выяснил себе суть дела, что смог все ясно растолковать несчастному Карлу. В заключение он высказал ему свой личный взгляд на общество и объяснил, как бы он, Ларкинс, поступил бы, будь он на месте Карла.

Всю дорогу домой Карл усиленно думал над словами Ларкинса. Прошло несколько дней, а они все еще не выходили у него из головы. Он сказал Катрине, что передумал и не будет ходить в мастерскую, та очень обрадовалась. Она была вполне счастлива при мысли, что он будет проводить с него теперь целые дни, гулять с нею в парке, закусывать с нею вдвоем в полдень, сидеть с нею рядом в кресле на крылечке или попыхивать трубкой, стоя у калитки, пока она будет вязать.

Карл целую неделю просидел дома, редко показывался даже у себя на дворе и, по-видимому, совершенно позабыл о существовании своего садика; у него начинал созреть в голове будущий план действий и он ошупью отыскивал дорогу, подобно неуклюжему судну, погоняемому противным ветром и течением в незнакомых ему водах. Наконец, в один прекрасный день он отправился наверх в маленькую комнату, единственное окно которой выходило на соседние задние дворы. В комнате было навалено множество разной рухляди, которую Карл принялся

тщательно сгребать в кучи. Несколько попозднее он отправился в магазин на Томккис-стрит и купил там стекло, багет на рамку и две скобки. Вернувшись домой, он тотчас же отнес все свои покупки наверх в маленькую комнату, склеил рамку, вставил в нее стекло и прикрепил к оконной раме при помощи скобок. Рамка была прикреплена в наклонном положении, например, как верхняя доска конторки, и свет падал да её поверхность вполне правильно. Устроив и прикрепив рамку, он вышел из комнаты, запер дверь на ключ и положил его к себе в карман. Весь следующий день он провел наверху в комнатке. Когда он, наконец, спустился вниз, его пальцы были все перепачканы чернилами.

Он объявил Катрине, что устроил себе наверху мастерскую, что ему нельзя не работать, а то он умрет со скуки, сидя целый день сложа руки. Он сказал ей, чтобы она ни под каким видом никого не пускала наверх, когда он там работает, и строго на строго раз на всегда запретил всем домашним ходить туда, даже в его отсутствие. Дверь будет всегда заперта на ключ, и Боже упаси если она войдет в мастерскую или поведет туда посторонних людей. Ему будут одни только неприятности: непрошенные посетители непременно перевернут вверх дном всю его мастерскую. В течение шести лет он ежедневно уединялся в свою мастерскую на два часа каждое утро. Катрина не страдала любопытством.

Глава VI

Прошло шесть лет. Трудно себе представить, что пережил за эти годы Карл, как он нравственно измучился. На седьмой год произошло нечто совершенно изменившее спокойное течение жизни семьи Фишера. Настал декабрь. Как то в пятницу, днем, Карл отправился на свою обычную прогулку – в обход квартала. Шел снег, впервые за эту зиму. Он нахлобучил на лоб старую фетровую шляпу, поднял воротник порыжевшего, потрепанного пальто, низко опустил голову и медленно побрел, не обращая ни малейшего внимания на бушевавшую метель, озабоченный своими семейными неурядицами.

Эмелине было теперь девятнадцать лет. Её желания и стремления были совершенно непонятны для Карла и они причиняли ему ежедневно жестокие страдания. Требования всех остальных членов семьи были несравненно скромнее: совместная жизнь под одним кровом, беспрестанное общение друг с другом и встречи за общим столом, казались им верхом счастья.

Будущее пугало его, он боялся, что его семья обречена на полную нищету. Что станет с его семьею, если общество случайно узнает о том, чем он занимается в своей мастерской или если он умрет, не успев скопить денег? Неужели Катрине придется опять сызнова приниматься за мытье полов, стирать на чужих? Куда денутся Эмелина и Текла? Для него они все еще были маленькими девочками. Ему и в голову не приходило, что обе в состоянии теперь зарабатывать деньги. У него было только одно желание: чтобы его дочери были счастливы. Других точек зрения по этому вопросу он не мог себе представить, да и не допускал возможности их существования.

Карл медленно плелся по улице, поглощенный своими грустными мыслями, не дававшими ему ни минуты отдыха. На сердце у него лежал тяжелый камень, настроение было мрачное. Вдруг он задел ногой какой-то твердый предмет. Он остановился, и увидел дамское портмоне, лежавшее на снегу. Он нагнулся и поднял его. Он повертел его в руке, с недоумением разглядывая свою находку. Кошелек был кожаный с серебряными угольниками и был, по-видимому, туго набит деньгами. Карл обвел глазами всю улицу. Вдали виднелись две удаляющиеся мужские фигуры. Вся остальная улица была совершенно безлюдна. Крепко зажав в руке портмоне, он бросился догонять удалявшихся мужчин. Его грузное тело было поразительно неуклюже. Он не бежал, а вернее как-то преуморительно прыгал, помогая себе в то же время локтями и плечами и не сводя глаз с удаляющихся мужчин. Он часто останавливался, окликал их и махал им рукою, в которой крепко держал портмоне. Но все его усилия были напрасны. Он не успел их еще нагнать, как оба мужчины завернули за угол. Когда Карл добежал до угла, незнакомцев и след простыл. Он остановился в полной нерешительности, что ему теперь предпринять, тщетно обводит глазами улицу, в надежде увидеть кого-нибудь, и грустно качал головою. Он вполне понимал, что должен теперь испытывать человек, потерявший свои деньги. Вертя кошелек в руке, он вдруг заметил, что на нем золотыми буквами вытеснено чье-то имя. Как только он сделал это открытие, он не долго думая отправился обратно домой. Надо заставить Эмелину или Теклу прочесть ему фамилию собственника кошелька, решил он про себя.

Эмелина и Текла вернулись домой из школы в три с половиною часа. Обе девушки сильно изменились за эти шесть лет. Роста они были одинакового (для своих лет Текла была замечательно рослая девушка). Лицо её было полное и цветущее, глаза темно-голубые и ясные. Рот, правда, как и прежде был все еще чрезмерно велик, но губы теперь налились и приняли красивые очертания и не поражали всех своим уродством. Её насмешливый, добрый рот с красиво изогнутыми губами был чрезвычайно привлекателен. Густые, вечно взлохмаченные волосы были золотисто-каштанового цвета и при солнечном освещении казались совершенно рыжими.

Эмелина была очень тоненькая, но прозвище «дранной кошки» совершенно не подходило к ней теперь. Она сделалась гораздо грациознее. Плечи и локти округлились и вся она утратила прежнюю свою угловатость. В очертаниях её красивого теда было что-то чувственное. У неё была нежная, мягкая кожа, довольно темного оттенка. Краска редко заливала её щеки, но стоило им только порозоветь и они поражали всех красотой своих линий. Волосы у неё были черные, почти такие же густые, как у Теклы. Она умело делала из них замысловатые прически и, всегда была аккуратно и отлично причесана. Узкие брови в виде дуги были красиво очерчены, длинные, тяжелые ресницы придавали глазам еще более темный и мрачный оттенок. Её наружность не могла не привлечь внимания человека, которого манит к себе все загадочное; она была бы очень красива, если бы не постоянное выражение недовольства, застывшее у неё на лице. Если бы не оно, если бы её душа проявила энергию и страсть, вместо вечных мрачных дум, она была бы прелестна. Как только его дочери вернулись домой, Карл тотчас показал им свою находку. Эмелина взяла портмоне в руки и осмотрела все его отделения.

– Тут двадцать долларов кредитными билетами и сорок центов серебром, – сказала она. – Наконец-то и нам повезло. Ты можешь купить мне теперь порядочную зимнюю кофточку.

Она положила портмоне на стол, сняла с себя кофточку, которая служила ей вот уже третью зиму, и небрежно бросила ее на стул.

Карл быстро ухватился за портмоне и, показав ей вытесненное имя, с мольбою в глазах попросил ее:

– Тут есть имя. Можно узнать, кому принадлежит портмоне.

Эмелина равнодушно взглянула на вытесненное имя.

– М-сс Клара Э. Сторрс, – прочла она вслух. – Ну, и что же ты намерен теперь делать? Адреса тут никакого нет. Не станешь же ты разыскивать ее по всему городу? Да и не к чему. Все равно не отыщешь.

– Разве тут не сказано, где она живет?

– Нет.

Карл покачал головою. Он был очень огорчен.

– Я должен ее разыскать, – пробормотал он по-немецки.

– Дай-ка мне посмотреть, – сказала Текла, подойдя к столу.

Он протянул ей портмоне, не выпуская его из руки. Она обняла отца за шею, он раскрыл портмоне, а Текла принялась шарить по всем отделениям. В одном из боковых отделений она нашла маленький конвертик, сложенный вдвое. Он был адресован на имя Клары Э. Сторрс – Вашингтонский сквер, Нью-Йорк, Н. I.

– А вот тебе и адрес, – сказала она, похлопывая его по плечу и с улыбкою заглядывая ему в глаза. – Я знаю теперь, где она живет.

– Ну и очень рада, надеюсь, ты теперь успокоишься, – воскликнула Эмелина. – Кажется, у всех есть деньги, кроме нас одних. Я не могу больше переносить такую жизнь. Я брошу школу и поступлю на какую-нибудь фабрику. По крайней мере, у меня тогда будет приличное платье, как-нибудь да заработаю себе деньги.

Фамилия Сторрс не вызвала никаких воспоминаний у Эмелины и Теклы, они даже не вспомнили, что когда-то учились вместе с Эми и Лу и очень удивились бы, если бы им кто-нибудь напомнил об этом обстоятельстве.

Эмелине казалось, что фортуна опять жестоко посмеялась над ними, послав им кошелек, набитый деньгами. Карл думал только о том горе, которое должен был испытывать теперь собственник портмоне. Текла и не задумывалась ни на минуту над этими вопросами, она была слишком беззаботна. Она чувствовала, что отец ее взволнован и беспокоится, и радовалась, что ему удастся вернуть кошелек по принадлежности и исполнить свое намерение.

Хотя ему было еще рано ехать за покупками в Нью-Йорк, он тем не менее твердо решил завтра же утром отправиться в город. Он отдаст портмоне и за одно уже сделает все нужные

покупки. Так как ему на следующий день предстояло ехать в город, то он тотчас отправился к себе наверх в мастерскую и спустился вниз только вечером. На следующее утро он встал очень рано, заперся в мастерской и проработал три часа, вплоть до утреннего чая.

В девять часов он пошел на кухню и вернулся оттуда с четырьмя большими корзинами. Вооружившись каждый двумя корзинами, отец и дочь пешком отправились в Нью-Йорк. Перевоз на Двадцать третьей улице, конечно, очень сократил бы им путь, но они не воспользовались им. За перевоз пришлось бы уплатить шесть центов, а Карлу такие деньги казались весьма солидной суммой. Они с удовольствием прошли до моста, перешли через него и направились дальше по Бродвею. Оба чувствовали себя вполне счастливыми в обществе друг друга. Добрых три часа добирались они до Вашингтонского сквера.

И Карл и Текла отлично знали эту часть города. На солнечной стороне сквера находился магазин двоюродного брата Карла, Вильгельма Ретинга, портного. Каждый раз, когда они попадали в город, они непременно заходили навестить родственника. Дом, который они теперь отыскивали, стоял на теневой стороне сквера. Это был старинный, трехэтажный дом из коричневого камня, с подвальным помещением.

Едва только они поравнялись с подъездом, как перед ними распахнулась входная дверь и на пороге появилась Лу в сопровождении молодого адвоката, нанимавшего комнату у её матери.

Лу и Текла посмотрели друг на друга и приветливо улыбнулись. Ни та, ни другая не признала свою прежнюю школьную подругу.

– Вам надо кого-нибудь видеть у нас? – спросила Лу, видя, что Текла и её отец сторонятся, давая ей и её спутнику дорогу.

– Здесь живет м-сс Сторрс? – спросила Текла.

– Да, я её дочь. Войдите, она как раз теперь дома.

Какое-то внутреннее чувство подсказывало Лу, что и ей надо вернуться домой на минутку.

– Может быть, она хочет поступить к нам на место, – подумала она. – Мне бы очень хотелось, чтобы мама наняла ее.

– Не потеряла ли она кошелек? – просила Текла.

– Как, вы его нашли? – воскликнула Лу. – Где именно?

– На Лафайет авеню в Бруклине.

– Отлично, – сказала Лу, направляясь обратно к входным дверям, – войдите. Мама будет очень рада получит обратно свой кошелек. Она ездила в Бруклин с визитами и заметила потерю, только вернувшись домой.

Они все вместе вошли в прихожую и Лу тотчас же послала горничную за м-сс Сторрс. Через несколько минут в комнату вошла м-сс Сторрс. Она все еще носила глубокий траур. Она сильно располнела за эти шесть лет и очень постарела. Лицо её носило теперь всегда отпечаток тихой грусти и полной покорности судьбе.

– Очень вам благодарна, – милостиво улыбаясь, сказала она Карлу, беря у него из рук портмоне. Старик неловко поклонился ей.

– О, да, – проговорил он, – мой долг...

– Вчера было слишком поздно идти к вам, а то он непременно отнес бы его вам сейчас же, как только нашел, – сказала Текла. – Он ужасно боялся, что вы будете волноваться, не находя портмоне.

– Да, я действительно очень волновалась, – милостиво призналась м-сс Сторрс. – Для меня это была бы большая потеря. Двадцать долларов для меня теперь очень крупная сумма. Мне ни разу не пришлось вынимать дорогою кошелек и я заметила, что потеряла, его только вернувшись уже домой. Мне так жалко, что мои обстоятельства не дают мне возможности дать вам половину вашей находки, – продолжала она с грустной, жалостливой улыбкой, обращаясь

к Карлу. – Если бы не моя бедность, я бы с радостью отдала ее вам. Сколько мне следует ему дать, мистер Адамс?

– Он ни за что не согласится взять у вас хотя бы один цент, – вмешалась в разговор Текла. – Ведь, ты не возьмешь, правда, папа?

Видя, что он не вполне ее понимает, она торопливо заговорила с ним по-немецки.

– Они хотят заплатить тебе за находку кошелька.

– Нет, нет, – ответил он ей по-немецки.

– Мне не надо денег. Очень рад, что нашел ей её кошелек. – Он посмотрел на м-сс Сторрс, отрицательно замотал головою и стал пятиться к дверям. – Ну теперь все хорошо, – сказал он.

– В таком случае позвольте вам предложить четвертую часть находки, – сказала м-сс Сторрс, видимо обрадованная его отказом.

Но Текла отказалась и от этого предложения. Оба чувствовали себя в достаточной степени вознагражденными любезным обращением м-сс Сторрс и теми выражениями благодарности, которыми она проводила их до подъезда. Они ушли счастливые и довольные от м-сс Сторрс.

Карл и Текла шли по Вашингтонскому скверу между двумя громадными стенами снега. Деревья, покрытые белой пеленою, так и сверкали на солнце. Снег весело хрустел у них под ногами. Свежий утренний воздух пощипывал Текле щеки и вызвал на них яркий румянец. Глаза её возбужденно сверкали, точно они сами были полны снега и солнечных лучей. Оба ни словом не обмолвились о дивной прелести зимнего утра. Все время, пока они шли по блестящему, белому городу, они упорно молчали, чувствуя себя и без слов совершенно счастливыми. Дойдя до середины Бруклинского моста они остановились, чтобы посмотреть на реку, на гавань и на целую сеть строений покрытых пеленою, которые расстилались у их ног. Вся решетка моста была покрыта мелким белым снегом, ялики беспрестанно мелькали то здесь, то там, бороздя реку в различных направлениях, на них также местами лежал снежный покров; у берегов толпились суда и высоко к солнцу вздымали свои мачты и паруса.

Они пересекали теперь сквер и Текла, сама того не замечая, беззаботно напевала какую то грустную мелодию. Услышав позвякивание бубенчиков, она оглянулась, чтобы посмотреть, как проедет переполненный публикою омнибус, и от всей души расхохоталась, когда полисмену сшибли с головы снежным комом его каску. Карл отчасти разделял её радостное настроение, хотя грустные мысли ни на минуту не оставляли его в покое. Иногда его глаза прояснялись, но тотчас же опять омрачались. Заслышав веселые крики, он бодро поднимал голову, но тотчас же опускал ее под наплывом мрачных опасений.

Карл до сих пор ни разу не обмолвился своему двоюродному брату о понесенной им денежной потере. Но сегодня он твердо решил все подробно ему рассказать. Он хотел высказать ему все свои опасения о будущем семьи и разузнать, нельзя-ли их так или иначе обеспечить.

У Вилльяма были твердо установившиеся взгляды на все вопросы жизни. После обеда Карл повел его в гостиную и рассказал ему свою грустную повесть. Вилльям выслушал его с снисходительным и покровительственным видом, не лишенным доли симпатии. Разговаривали они по-немецки.

– Да, это тяжелый удар для тебя, – сказал Вилльям. – Надо было взять свой вклад до краха банка. Что же ты теперь подделываешь?

Карл на минуту задумался. Ему очень хотелось бы рассказать своему собеседнику, чем он теперь занимается. Работа обеспечивала ему существование, но он положительно не знал, каким образом заполучить обратно свои десять тысяч долларов. Был может, Вилльям ему поможет, но долгия размышления заставляли его хранить в секрете свою тайну из страха и осторожности.

– Люди иногда, ведь, страхуют свою жизнь? – спросил он после долгого молчания.

– Конечно: если я умру, моя жена получит пять тысяч долларов.

– Вот это-то мне и нужно, – обрадовался Карл. – Я хочу вернуть Катрине и девочкам те деньги, которые я потерял. Можно-ли мне застраховать себя в десять тысяч долларов и как это сделать?

– Тебе уже перевалило за пятьдесят пят лет, – сказал Вилльям, – и эта операция станет тебе очень дорого.

– Сколько же?

Вилльям не знал, сколько это могло стоить, но ему не хотелось признаваться в этом.

– Приблизительно долларов пятьсот в год, я так думаю.

– А куда мне надо пойти, чтобы оборудовать это дело?

– Приходи ко мне, когда решишь застраховаться, и я тебя сведу в мое общество. Да есть-ли у тебя деньги на первое хоть время?

– Я шесть лет откладывал ежемесячно по пятнадцати долларов. У меня есть 1.500 долларов.

– Этого почти что хватит на три года, – сказал Вилльям. Несколько минут он что-то вычислял про себя и прибавил: – Если бы ты мог еще три года откладывать по двести пятьдесят долларов, то твое дело было бы в шляпе. Постарайся как-нибудь скопить эти деньги. А через пять лет можешь и умереть.

– Да, – сказал Карл. Ему очень хотелось выяснить себе еще один вопрос, но он не знал, как к нему приступить. Он долго ломал голову над этим и затем спросил, не отрывая глаз от пола:

– Получат-ли они деньги, если меня раздавят или если я брошусь из окна на улицу и разобьюсь на смерть?

– Тут род смерти не играет никакой роли. Они все-равно получать деньги.

– Меня это давно уже беспокоит, – сказал Карл. – Очень тебе благодарен за указания. Я приду к тебе в понедельник и ты меня сведешь, куда следует.

Он пошел звать Теклу, которая помогала Алисе убирать посуду.

– Отчего ты нестроишь Эмелину и Теклу к какому-нибудь делу? – спросил Вилльям.

– О, да, – ответил Карл, – придет время, пристрою их куда-нибудь.

– Но ты должен теперь же позаботиться об этом, – авторитетным тоном настаивал на своем Вилльям. – Не хорошо приучать их к праздности. Смотри, как бы худо не было.

– Разве? – сказал Карл, очень встревоженный словами двоюродного брата.

– Да, конечно. Посмотри на мою семью. Все мои дети давно уже работают, а у меня побольше денег, чем у тебя.

– Но, ведь, Эмелина и Текла еще учатся?

– Пора бы им покончить, наконец, с учением. На что оно им? Они и так достаточно знают. Я давно уже взял из школы Герберта и Анну и пристроил их к хорошему делу. Оба отлично теперь зарабатывают. Они не лодырничают, не скандалят, сами за себя постоят, в обиду не дадутся. Пристрой своих детей к делу, пока ты еще жив. Если ты оставишь им наследство, они только растратят его. Они станут всюду рыскать и непременно впутаются в какую-нибудь некрасивую историю.

Карл беспомощно посмотрел на своего двоюродного брата, все его лицо дергалось от волнения.

– Что же мне делать? – спросил он с тревогою в голосе. – Не можешь-ли ты мне помочь, Вилльям?

– Пожалуй, можно попробовать, – сказал Вилльям польщенный тем, что Карл обращается к нему за содействием. – Тут рядом помещается заведение Исаака Росенталя. У него работает много девушек. Можно было бы пристроить твоих туда. Тебе бы надо переехать жить в наши края.

Мысль о переезде казалась прямо-таки ужасной для Карла. Ему был очень дорог маленький желтый дом в Бруклине. Неужели ему придется расстаться с своим двориком и с садиком, на устройство которого он положил там много сил и труда. Но Вилльям настойчиво стоял на своем, доказывая всю целесообразность предложенного их проекта. Разговор длился целый час и когда Карл, наконец, собрался идти домой он вполне примирился с предложением своего двоюродного брата и согласился на переезд. Он уже не мог спокойно проводить день за днем в своем маленьком домике, неизвестная будущность, страх перед ним, тревога о детях навсегда сделали невозможным прежнее мирное, безмятежное существование. Самоуверенный тон Вилльяма сильно подействовал на Карла и он ухватился за его предложение, как утопающий за брошенный ему крепкий, надежный канат. Карл находился в состоянии полного отчаяния и ему необходима была поддержка сильного человека в этот мучительно-тяжелый для него момент. Закупив в городе все необходимое, он торопливо направился домой с Теклой. Он не шел, а бежал домой, видимо, стремясь поскорее уйти от грозящей ему в городе опасности.

Расставанье с желтеньким домиком и переезд на городскую квартиру тяжело отразились на Карле. Катрина гораздо спокойнее отнеслась ко всем этим переменам, чем её муж. Ей было совершенно безразлично, где бы ни жить, лишь бы только не разлучаться с Карлом, без которого жизнь потеряла бы в её глазах всю свою прелесть. При виде фургонов, наполненных вещами из желтенького дома, у Карла сжалось сердце. Он почувствовал, что почва уходит у него из под ног. Расставшись с насиженным гнездом, он впервые заметил, как Катрина и он успели сильно состариться за все эти годы и понял, как они оба стали беспомощны теперь. Сердце его болезненно ныло, предчувствуя что то недоброе.

Глава XII

Прошло целых пять месяцев с того дня, когда Эвелина и Текла впервые явились на работу в заведение Исаака Росенталя. Они целыми днями сидели, не разгибая спины, и прилежно завивали перья вместе со своими товарками. К шести часам, когда кончалась работа, они были уже совершенно измучены и разбиты, в пальцах делалась судорога, а спина нестерпимо ныла. Вскоре Эвелина стала замечать, что руки её грубеют и становятся красными. Она пришла в ужас и принимала все доступные ей меры, чтобы сберечь свои руки, мыла их теплой водой, смазывала вазелином, но, увы, ничего решительно не помогало. Эвелина внутренне негодовала на те условия при которых ей приходилось работать, но по прежнему молчала и никому не высказывала своего недовольствия.

– Как бы я хотела больше никогда не возвращаться в эту отвратительную, грязную дыру, – сказала она как то Текле, на возвратном пути из мастерской.

– Как я была бы рада за тебя, – сочувственно ответила ей Текла. – Отчего ты не попробуешь обратиться к Альтману и не попросишь его взять тебя с себе на службу? Алиса теперь получила у него место кассирши. Может быть, она согласится хлопотать за тебя.

– Ну, нет, спасибо. У Альтмана немногим лучше, чем у нас, не стоит и проситься к нему, – мрачно ответила Эвелина. – Не понимаю, отчего это я должна всю свою жизнь работать не разгибая спины, без всяких надежд на лучшее будущее. Нет, довольно с меня, все сделаю, чтобы выбиться в люди.

Текла всю свою жизнь преклонялась перед честолюбивыми стремлениями сестры. Услышав последние слова Эвелины, она посмотрела на нее с выражением восторженного удивления на своем беззаботном личике.

– Что же ты хочешь сделать? – спросила она.

– Поступлю в школу Джудсона и научусь, как следует, шитью и кройке. Они научат меня там всему, что надо, и сделают из меня человека.

Вдали раздавались веселые детские крики, и Текла невольно обернулась в их сторону. Она не могла равнодушно слышать людской говор, видеть свободно разгуливающих и видимо счастливых людей, ее так и тянуло присоединиться к ним. Но вспомнив, что мать не управится без неё по хозяйству и ждет её возвращения с минуты на минуту, она рассталась на углу с Эвелиною и торопливо направилась домой.

До ужина оставалось еще много времени. Эвелина обошла кругом весь сквер, изредка поглядывая на обрамлявшие его старинные, красивые, чопорные дома, и дойдя до арки пристально уставилась на расстилавшуюся перед нею Пятую улицу, которая так и влекла ее к себе своим богатством и роскошью. Затем она медленно пошла назад и остановилась перед зданием школы Джудсона и невольно задумалась, соображая, чему ее смогут обучить здесь.

Текла прошла на Томкинс-стрит и и вскоре завернула в подъезд, третий от угла. Карл нанимал квартиру из пяти комнат в двухэтажном деревянном доме. Под квартирою Фишера помещался башмачный магазин. Одна комната выходила на улицу и из окон видна была церковь. На подоконниках стояли герани.

Войдя в комнату, Текла тотчас же вытащила из кармана четыре кредитки и отдала их отцу. Карл с грустью взял их у нее. Он жестоко страдал за дочерей, ему невыразимо больно было видеть, как много они принуждены работать. Вильям неоднократно пробовал настоять на том, чтобы он отбирал у дочерей весь их заработок.

– Нельзя оставлять им на руки деньги, – говорил он, – помяни мое слово, сейчас же начнут транжирить. Отбирай у них все до последнего цента, сам потом мне спасибо скажешь.

Но такие крутые меры были не по душе Карлу. Он не последовал совету своего двоюродного брата и брал у дочерей только то, что они сами находили возможным уделять ему

из своего заработка. Карл ни цента не тратил из этих денег и копил их про черный день для Эмелины и Теклы.

– Я заработала целых четыре доллара шестьдесят центов за эту неделю, – радостно сообщила родителям Текла, очень довольная тем, что может дать отцу так много денег, – а Эмелина получила что то около шести долларов. – Она отлично сознавала превосходство сестры и очень ею гордилась. Она принялась гладить вместо матери, затем, покончив с этим делом, отодвинула в сторонку подставку с утюгом, поставила на место гладильную доску, выдвинула стол на середину комнаты и накрыла его скатертью. М-сс Фишер всецело ушла в заботы об обеде и варила своим девочкам овощи.

Как только Эмелина вернулась домой, мать опростетью бросилась подавать ей обедать. – Все готово, Эмми, – приговаривала она, накрывая ей на стол. Эмелина сняла шляпу и положила ее на письменный стол, посмотрелась внимательно в зеркало, поправила прическу и только тогда подошла к обеденному столу. М-сс Фишер стояла рядом с нею и очень волновалась, пока дочь не уселась за стол и не попробовала поданное ей кушанье. Но на этот раз все обошлось благополучно, Эмелина ни на что не ворчала и её старушка мать, устало и облегченно вздохнув, опустила на стул у стола.

Тотчас после обеда Эмелина ушла из дому и направилась в школу Джудсона. Она великолепно шила и потому ее тотчас же приняли в один из старших классов. Целый час просидела она в классе, внимательно выслушивая объяснения учительницы. С тех самых пор, как она узнала о существовании громадного социального различия в положении, занимаемом различными людьми, узнала, что она стоит в самом хвосте этой иерархической лестницы, Эмелина была глубоко несчастна и только теперь, сидя в классе за шитьем, почувствовала себя удовлетворенной. Это был первый шаг к намеченной цели, и в душе она стремилась дальше, как можно скорее.

Глава VIII

Все пансионеры, жившие в доме мистрисс Сторрс, были в высшей степени честные, порядочные люди. Мак Кларены, мистрисс Уинтроп, мистер Трюсдэль, сестры Уаделль – были скучные, добродетельные люди. Взгляды их были довольно узкие, судили они всех чрезвычайно строго и не находили возможным прощать даже малейший проступок. Сами же руководились в жизни прописной моралью, составлявшей весь их немудреный, нравственный багаж.

Лу чувствовала себя совершенно чужой и одинокой в доме матери. Она задыхалась в окружавшем ее обществе и всеми силами души рвалась навстречу иной жизни, полной деятельности. Ей хотелось иметь настоящих друзей, с которыми она могла бы говорить вполне откровенно. Мистрисс Сторрс неоднократно предостерегала своих дочерей от дружбы с мужчинами и много положила труда на то, чтобы они были сдержанными, корректными, воспитанными девушками, умеющими держать мужчин на почтительном расстоянии от себя. Неприступной, знающей себе цену, девушке легче выйти замуж, наставляла своих дочерей мистрисс Сторрс. Эми чувствовала себя дома отлично и вполне удовлетворялась окружавшим ее обществом. Лу же положительно задыхалась в нем. Девятнадцатилетняя девушка смело смотрела жизни в глаза и, сама того не подозревая, успела познакомиться со многими отрицательными её сторонами. Она совмещала тонкий, наблюдательный, пытливый ум с нежным сердцем и чуткой, чистой душой. Отличительной чертой её характера была необыкновенная любознательность. Решительно все на свете способно было заинтересовать ее: она с увлечением изучала звезды; доискивалась причины радостной улыбки первого встречного на улице, старалась проникнуть в его мысли и часто мечтала о тех неведомых странах, которые начинались для неё за поворотом улицы. Она, ни на минуту не задумываясь, убежала бы из дому с Алладином и была бы способна увлечься первым встречным, хоть несколько отличающимся от окружавших ее шаблонных людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.